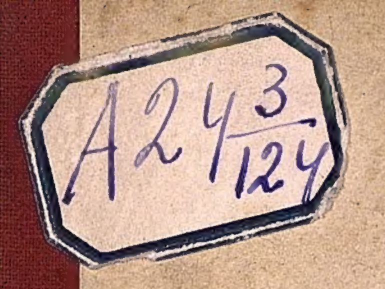
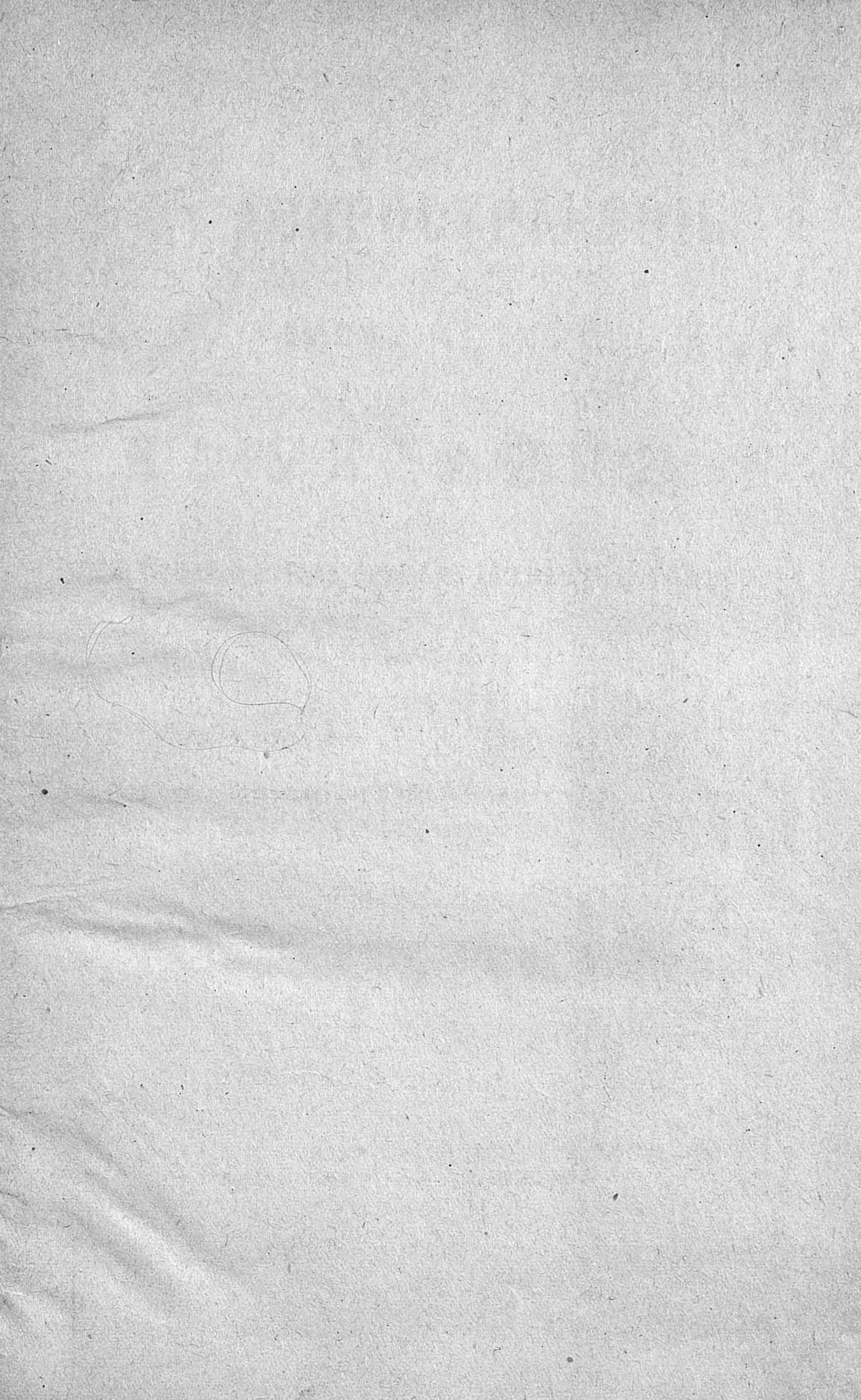

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА УКРАЙНѢ.

(Краткій историческій очеркъ, составл. по неизданнымъ документамъ.)

Изслѣдованіе Л. Б. Вейнберга
Члена-Секретаря Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВОРОНЕЖЪ.
Тицо-литографія Губернскаго Правленія.
1889.

аспространеніе христіанства на Украйнѣ.

(Краткій историческій очеркъ, составл. по неизданнымъ документамъ.)

Изслѣдованіе Л. Б. Вейнберга

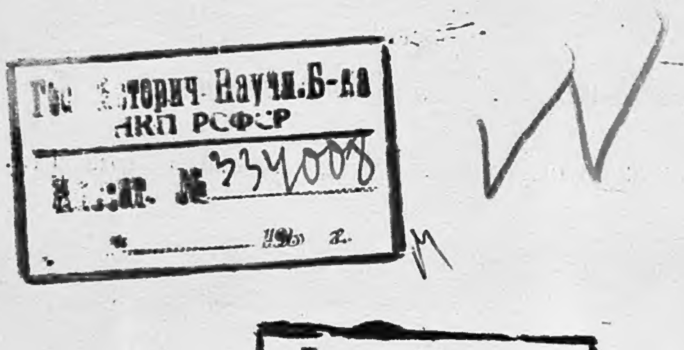
Члена-Секретаря Воронежскаго Губерн. Статистическаго Комитета.

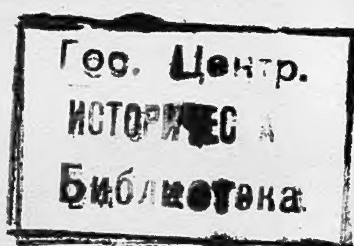
ВОРОНЕЖЪ.

Типо-литографія Губернскаго Правленія.

1889.

Дозволено цензурою. Москва. 1889 г.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ДО и ПРИ СВ. МИТРОФАНѢ.

Въ виду недавно исполнившагося 900-лѣтія Крещенія Руси, не лишнимъ полагаемъ попытаться накинуть краткій историческій очеркъ распространенія христіанства въ безбрежныхъ степяхъ при-Донскаго края, отъ Воронежа и до Азовскаго моря. Прослѣдить за постепеннымъ историческимъ ходомъ развитія ученія Христа въ при-Донскомъ краѣ представляетъ высокій интересъ какъ потому, что край этотъ долго жилъ особенной жизнью, во многомъ отличной отъ внутреннихъ областей тогдашняго Московскаго государства, такъ и потому, что крайне любопытный вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, по настоящее время ни кѣмъ еще затронутъ не былъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Обитатели при-Донскихъ степей въ XVI в. -- Слѣды христіанства въ при-Донскомъ краѣ въ древности. — Исчезновеніе христіанства въ XIV в.— Миссіонерская дѣятельность при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. — Заслуги этого царя въ отношеніи Церкви и Государства.—Причины слабыхъ успѣховъ христіанства въ при-Донскомъ краѣ послѣ Іоанна Васильевича. — Первые русскіе переселенцы и бѣглые изъ внутреннихъ областей Московскаго государства.—Ихъ значеніе въ исторіи религіозно-нравственнаго развитія степной Украйны.—Неразвитость населенія и его духовныхъ пастырей.—Учрежденіе независимой отъ митрополіи епархіи.—Св. Митрофанъ и царь Петръ на Украйнѣ.—Крещеніе татаръ и калмыковъ.

Когда триста лѣтъ тому назадъ Московское правительство впервые приступило къ строенію городовъ на *польской* окраинѣ государства, т. е. въ при-Донскомъ краѣ, то первые піонеры, русскіе люди, прибывшіе туда въ качествѣ служилыхъ, торговыхъ и сошныхъ людей, не нашли тамъ ни христіанскихъ храмовъ, ни христіанскаго населенія.

Тотаровя, т. е. татары, калмыки, черкесы, мордва и чуваши,—вотъ народности неславянскаго происхожденія и нехристіанскаго вѣроисповѣданія, обитавшія тамъ, въ качествѣ охотниковъ (звѣролововъ), пчеловодовъ (бортниковъ), рыболововъ, промышленниковъ; но главныя занятія степнаго населенія были ското-

водство и грабежи, почему обитатели при-Донскаго края не имѣли даже постоянной осѣдлости.

А между тѣмъ, если основываться на дошедшихъ до насъ историческихъ указаніяхъ, необходимо будетъ допустить, что задолго еще до описываемой эпохи на *польской* или степной окраинѣ Московскаго государства обитали природные славяне, исповѣдывавшіе христіанскую вѣру. Насажденіе христіанства, какъ и самая колонизація степей, въ такомъ случаѣ, слѣдовательно относится къ отдаленной, намъ неизвѣстной эпохѣ. Что въ при-Донскихъ степяхъ обитали когда-то славяне, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и проѣзжавшій Половецкую землю около 1246 г. западный путешественникъ Плано Карпини, который, описывая жестокость баскаковъ, говоритъ: „такъ они (баскаки) истребили великое число русскихъ, *жившихъ въ землѣ Половецкой* [1]). Далѣе, о присутствіи христіанъ на степной окраинѣ свидѣтельствуютъ также и посланія митрополитовъ Ѳеогноста (1334—1353) и Алексѣя (около 1360 г.) къ жившимъ въ при-Донскихъ степяхъ православнымъ христіанамъ [2]). Либо упомянутыя посланія митрополитовъ имѣли въ виду крещеныхъ баскаковъ и русскихъ станичниковъ, а не природныхъ православныхъ славянъ, обитавшихъ въ своихъ городахъ на степной окраинѣ, либо послѣдніе были вскорѣ истреблены степными хищниками, но только уже черезъ тридцать лѣтъ оплакивалъ изчезновеніе христіанства на степной окраинѣ путешествовавшій въ 1389 году по Дону митрополитъ Пименъ: „Бысть же сіе путное

---

[1]) В. Ламанскій. О Славянахъ въ Малой Азіи. стр. 66.

[2]) Ворон. край, изд. авторомъ, 23.

шествіе печально и уныниво, бяше бо пустыня зѣло: не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села. *Аще бо и быша прежде грады красны* и нарочиты зѣло видѣніемъ, точію мѣста пустошь все и не населено; не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество"... [3]) хотя здѣсь и не говорится, что исчезнувшіе *красны грады* были христіанскіе, но сомнѣваться въ этомъ положительно невозможно, ибо нельзя же допустить, что православный христіанинъ и игуменъ Пименъ сталъ-бы сожалѣть объ исчезновеніи городовъ, хотя-бы и красныхъ, но населенныхъ татарами, заклятыми врагами тогдашняго христіанскаго міра.

Необходимо замѣтить, что при-Донской край (по крайней мѣрѣ сѣверная часть его), издревле принадлежалъ Рязанскому княжеству; позднѣе же, именно въ 1354 году, какъ значится по лѣтописямъ, когда св. Алексѣй, митрополитъ Московскій, учредилъ Рязанскую епархію, то часть при-Донской области отошла къ новоучрежденной епархіи, а другая къ Крутицкой [4]), и именно такъ, что вся мѣстность отъ Чернаго Яра по рѣкамъ Хопру и Дону, т. е. вся лѣвая сторона теченія рѣки Дона отошла въ вѣдомство епископа Рязанскаго, а вся правая къ Крутицкому, называвшемуся также Сарскимъ и Подонскимъ.

При всемъ томъ, повторяемъ, когда въ концѣ XVI в. въ при-Донскія степи впервые прибыли русскіе люди для строенія, по государеву указу, городовъ, то ни христіанскихъ храмовъ, ни христіанскаго населенія они тамъ не нашли. Поэтому необходимо допустить,

---

3) Тамъ же. 19.

4) Болховитиновъ. Ист. Г. и Эк. оп. В. г.

что христіанское населеніе, если и существовало ранѣе въ при-Донскихъ степяхъ, то оно, надо полагать, въ XIV столѣтіи окончательно было уже истреблено, быть можетъ тѣми-же самыми баскаками, о которыхъ разсказываетъ Плано Карпини. Такъ или иначе, но до самаго конца XVI вѣка мы напрасно будемъ искать въ письменныхъ памятникахъ мѣстной старины, хотя-бы намека на существованіе ихъ до указанной эпохи; съ конца-же XVI вѣка начинается періодъ строенія городовъ въ при-Донскихъ степяхъ, значительно облегчившій колонизацію этой новой области выходцами изъ Московскаго государства и только тогда стало возможнымъ и прочное насажденіе христіанства среди полудикихъ и хищныхъ кочевниковъ.

Мягкое слово христіанскаго миссіонера въ началѣ почти не дѣйствовало на грубое сердце полудикаря—кочевника, и первые весьма нерѣдко погибали отъ рукъ послѣднихъ; на неразвитый умъ кочевника можно было влiять либо страхомъ, либо матеріальнымъ интересомъ, и безплодно погибшая миссіонерская дѣятельность на степной окраинѣ, если таковая ранѣе и была тамъ, доказала только, что для высшей культуры—спутницы христіанства—не настало еще время среди полудикихъ хищниковъ безбрежныхъ степей при-Донскаго края. Что путемъ однихъ только убѣжденій христіанство трудно, если только не совсѣмъ невозможно, насадить среди кочевниковъ, это прекрасно понималъ еще мудрый Іоаннъ IV, но въ выборѣ средствъ къ обращенію кочевниковъ въ христіанство, между нравственнымъ вліяніемъ и матеріальнымъ вознагражденіемъ, этотъ царь предпочелъ первое, предоставивъ второе, какъ

увидимъ далѣе, своему будущему геніальному продолжателю—Петру Первому.

И въ самомъ дѣлѣ, съ воцареніемъ Іоанна IV, мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ распространенію христіанства среди ордынскихъ хищниковъ, то путемъ миссіонерской дѣятельности, то колонизаціею степныхъ мѣстностей природными русскими, но во всякомъ случаѣ подъ энергичною, неусыпною охраною своего могущественнаго скипетра.

Со смертью-же Іоанна Васильевича миссіонерская дѣятельность въ при-Донскомъ краѣ совершенно остановилась, для того чтобы сто лѣтъ спустя, снова воспрянуть съ дотолѣ-невиданнымъ блескомъ и такою силою, какой она никогда еще не проявляла ни до, ни послѣ того. Причиной неожиданнаго благопріятнаго поворота въ дѣлѣ распространенія христіанства на Украйнѣ, отъ Воронежа и до Чернаго моря, къ концу XVII в., было одновременное пребываніе на Украйнѣ двухъ величайшихъ мужей своего времени—то были Великій Митрофанъ и Великій Петръ, о которыхъ безъ преувеличенія можно сказать, что до нихъ было мало христіанъ на Украйнѣ, а послѣ нихъ тамъ осталось сравнительно не много нехристіанъ.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ болѣе подробной оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, попытаемся предварительно объяснить себѣ причины, такъ сильно тормазившія распространеніе христіанства на Украйнѣ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, т. е. со времени кончины Іоанна Васильевича и до прибытія св. Митрофанія.

Іоаннъ Васильевичъ, безспорно, много сдѣлалъ въ

отношеніи распространенія христіанства среди магометанъ и язычниковъ. Но заботясь о возможно-широкомъ развитіи миссіонерской дѣятельности среди послѣднихъ, онъ имѣлъ въ виду не одни лишь нужды Православной Церкви, а преслѣдовалъ также и политическіе, чисто государственные интересы; тѣмъ не менѣе, заслуги его въ отношеніи Православной Церкви весьма и весьма значительны. Высшую же степень своего развитія и наибольшаго блеска въ отношеніи успѣшности распространенія христіанства Русская миссіонерская дѣятельность достигла вскорѣ послѣ завоеванія Іоанномъ Васильевичемъ двухъ татарскихъ царствъ—Казанскаго и Астраханскаго. Пораженный этимъ столь неожиданнымъ событіемъ, языческій міръ, а за нимъ и магометанскій Востокъ затрепетали и преклонили головы предъ грознымъ скипетромъ могущественнаго Іоанна Васильевича, который, въ свою очередь, весьма искусно воспользовался удобнымъ моментомъ къ обращенію магометанъ и язычниковъ въ христіанство и разсѣялъ православныхъ миссіонеровъ по всему Востоку и Югу. Съ тѣхъ поръ и до самой кончины своей Іоаннъ Васильевичъ не переставалъ *отпускати крестьянскихъ поповъ*, для крещенія то татарскихъ мурзъ, то калмыцкихъ тайшей и Кабардинскихъ черкесовъ; при чемъ не мало князьковъ, въ особенности начиная съ 1552 г., сами пріѣзжали въ Русь „креститися“ [5]).

Въ 1584 году не стало этого замѣчательнаго государя, и миссіонерская дѣятельность начала быстро приходить въ упадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому теперь было заботиться объ этомъ? Не разслабленному же

---

[5]) И. Госуд. Рос. VIII, прим. 566.

и больному, хотя и глубокорелигіозному юношѣ Ѳеодору Іоановичу, который, предчувствуя скорую кончину, заботился лишь о спасеніи собственной души. Борису ли Годунову, который, по мнѣнію многихъ историковъ, самъ добился престола нехристіанскими путями и средствами? Несчастному ли Ѳедору Борисовичу, царствовавшему всего лишь нѣсколько недѣль? Злополучному ли Василію Шуйскому? Очевидно миссіонерская дѣятельность при подобныхъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, неминуемо должна была и дѣйствительно пришла въ упадокъ, а въ смутное время междуцарствія о распространеніи христіанства среди язычниковъ некому было и подумать. Христіанское сѣмя, опущенное въ почву при-Донскихъ степей энергичными сѣятелями мудраго и энергичнаго Іоанна Васильевича, заглохло, а на его мѣсто возникли плевелы, плодомъ коихъ были въ послѣдствіи Стенька Разинъ, Емелька Пугачевъ и другія имъ подобныя личности.

Съ восшествіемъ же на Всероссійскій престолъ Дома Романовыхъ и во все продолженіе XVII в. Московское правительство хотя и продолжало неуклонно стремиться къ распространенію христіанства и къ поднятію религіозно-нравственнаго и отчасти умственнаго развитія при-Донскаго края, но такъ какъ всѣ попытки Московскаго правительства въ этомъ направленіи постоянно сталкивались здѣсь съ почти непреодолимыми препятствіями, то и неудивительно, что святитель Митрофанъ и Великій Петръ, а вмѣстѣ съ ними и XVIII в. застали населеніе при-Донскаго края христіанами и европейцами развѣ только по имени. Для лучшаго уясненія безплодности этой вѣковой

борьбы Московскаго правительства съ невѣжествомъ обитателей при-Донскихъ степей опять таки необходимо ближе познакомиться съ причинами, такъ сильно тормазившими его начинанія. Дѣло въ томъ, что для поднятія нравственнаго уровня мѣстныхъ христіанъ прежде всего необходимы были добрые образцовые пастыри; - а затѣмъ. уже добрый примѣръ тѣхъ и другихъ могъ-бы уже споспѣшествовать распространенію христіанства и среди язычниковъ, въ особенности при содѣйствіи энергичной миссіонерской дѣятельности мѣстныхъ духовныхъ отцовъ. Слѣдовательно, если миссіонерская дѣятельность, какъ и нравственное вліяніе мѣстнаго христіанскаго населенія на языческій міръ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія оказывали столь слабые успѣхи, что ихъ можно было считать отсутствующими, то причиной тому мы вправѣ предположить неудовлетворительность религіозно-нравственнаго быта, не только мѣстнаго христіанскаго населенія, но и самихъ духовныхъ представителей его. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, какъ и изъ какихъ элементовъ сложилось мѣстное общество, считая съ момента фактическаго присоединенія при-Донскаго края къ Московскому государству, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Московское правительство серьезно стало заботиться о его колонизаціи и благоустройствѣ, короче—съ основанія крѣпостей (*польскихъ городовъ*) въ при-Донскихъ степяхъ.

Выше мы упомянули, что первые русскіе піонеры, прибывшіе въ при-Донской край въ концѣ XVI в. и положившіе основаніе правильной колонизаціи его, не застали здѣсь ни одного города, ни одного насе-

леннаго пункта, который-бы свидѣтельствовалъ о присутствіи осѣдлаго, культурнаго народа. Да и мудрено было-бы искать ихъ въ странѣ, обитаемой одними лишь бродячими хищниками и полудикими ордами кочевниковъ. Правда, болѣе тщательные поиски открыли-бы имъ подобные населенные *городки*, таившіеся въ дебряхъ по теченію р.р. Дона, Хопра и Медвѣдицы, но немногочисленный осѣдлый элементъ русскихъ людей, обитавшій въ этихъ городкахъ, впослѣдствіи служилъ болѣе сильнымъ тормазомъ къ религіозно-нравственному развитію при-Донскаго края, чѣмъ та милліонная толпа полудикихъ варваровъ, которая бродила съ своими стадами по необозримымъ степямъ при-Донскаго края, грабила, полоняла и истребляла осѣдлое населеніе русскихъ людей почти до самаго конца прошлаго столѣтія, т. е. до завоеванія Крымскаго ханства. То были русскіе люди, бѣгавшіе *въ степь*, съ цѣлію уклониться отъ государственныхъ повинностей, то были тати, воры, убійцы, поджигатели и всякаго рода *лихіе люди*—преступники, спасавшіеся отъ заслуженной кары, то были наконецъ раскольники и разные проходимцы, перебѣгавшіе на Донъ для распространенія своего вреднаго круга дѣятельности. Вотъ изъ кого состояло осѣдлое населеніе упомянутыхъ городковъ. Понятно, что эти нравственные подонки, изверженные Московскимъ государствомъ, по своей глубокой моральной испорченности должны были служить несравненно большимъ препятствіемъ къ религіозно-нравственному развитію, чѣмъ лишенные еще всякой культуры ордынскіе хищники. Между тѣмъ какъ первые прибывали въ при-Донской край уже нравственно испорченными, съ самы-

ми дурными инстинктами и наклонностями, вполнѣ деморализованными, кочевники, представляли еще грубый, сырой матеріалъ, изъ котораго опытная и любящая рука развитаго пастыря легко могла бы воспитать полезныхъ государству гражданъ; хотя кочевники и отличались тѣми же отрицательными качествами, что и бѣглые русскіе люди, но не вслѣдствіе нравственнаго упадка, какъ тѣ, а потому что они вообще были еще чужды всякихъ культурныхъ понятій.

Въ срединѣ XVI в. сюда усиленно начали стекаться переселенцы съ береговъ Днѣпра,—Заднѣпровцы или *Черкасы*. Но Черкасы, по своей внутренней организаціи, были скорѣе способны внушить кочевникамъ страхъ, нежели религіозно-нравственныя истины; то были группы воиновъ, селившихся на татарскихъ *сакмахъ* и *перелазахъ* для выслѣживанія хищниковъ и *для боя* съ ними. Черкасы долгое время сами промышляли боемъ и грабежемъ, безпрестанно *громили* татаръ и, слѣдовательно, никакихъ нравственныхъ истинъ преподать послѣднимъ) они не могли. Совсѣмъ иное дѣло выходцы изъ Московскаго государства, которые въ значительномъ большинствѣ составляли контингентъ мирныхъ обитателей и отъ нихъ мы вправѣ были бы ожидать болѣе полезнаго вліянія на нравственную сторону жизни полудикихъ кочевниковъ при-Донскаго края. И въ самомъ дѣлѣ, несравненно выше былъ религіозно-нравственный уровень той громадной массы крестьянъ, которая, начиная съ 1593 г., бѣгала на Донъ изъ внутреннихъ областей, спасаясь отъ насильственнаго закрѣпощенія. Болѣе столѣтія продолжался этотъ наплывъ *крестьянъ* и *холопей*, ко-

торые записывались то въ иноземцы—Черкасы, а то просто въ полковые казаки. Къ сожалѣнію, здѣсь, на Дону, вдали отъ родины, гдѣ они привыкли трудиться въ потѣ лица, вдали отъ семьи, отъ благотворнаго вліянія Церкви и правильно устроеннаго общества, они быстро теряли свою нравственную физіономію, становились *охреянами*, т. е. раскольниками, или же *бусурманились*, пріучались жить насиліемъ, грабежемъ, теряли всякую нравственную связь съ остальною Русью, однимъ словомъ, въ болѣе или менѣе короткое время окончательно сравнивались и даже успѣшно соперничали, въ смыслѣ разнузданности, съ остальнымъ населеніемъ. Совершить *молодецкій* набѣгъ на *поганыхъ*, *раздуванить* богатую добычу—вотъ едиственный идеалъ подобнаго обитателя береговъ тихаго Дона въ XVII в. [6]. Религіозный индеферентизмъ былъ ихъ отлительною чертою и словомъ *поганый* казаки именовали кочевниковъ лишь въ оффиціальчыхъ челобитняхъ, когда они выпрашивали себѣ у Московскаго правительства права сдѣлать набѣгъ на кочевниковъ, въ сущности же жили и сроднялись съ татарами и калмыками, а кубанскіе охреяне даже сами дѣлали набѣги на Русь и полоняли христіанъ сообща съ магометанами и язычниками [7].

Итакъ, къ числу наиболѣе серьезныхъ препятствій къ распространенію христіанства и къ поднятію религіозно-нравственнаго уровня населенія приДонскаго края, съ коими приходилось считаться Московскому правительству съ момента строенія го-

---

[6]) Ворон. край, (вып. I), издан. авторомъ

[7]) Орлов. акты, изд. де-Пуле.

родовъ, т. е. съ конца XVI и въ продолженіе всего XVII в., принадлежали: близость, сосѣдство магометанскихъ и языческихъ народностей, невѣжество самого населенія при Донскаго края, постоянный приливъ изъ внутреннихъ областей Московскаго государства порочныхъ людей и раскольниковъ; но несомнѣнно, что самое серьезное препятствіе заключалось въ почти поголовной неразвитости и порочности того сословія, которое призвано было руководить, развивать и самому служить примѣромъ нравственнаго совершенства народу—духовенства или, какъ ихъ называли, *духовныхъ отцовъ* степной окраины Московскаго государства въ XVII в. Въ этомъ отношеніи, за немногими впрочемъ исключеніями, *попы* степной окраины во все продолженіе XVII в. ничуть не выдѣлялись изъ среди народа и даже соперничали съ нимъ въ грабежѣ, развратѣ и пьянствѣ [8]).

Вслѣдствіе подобныхъ неблагопріятныхъ причинъ, религіозно-нравственная сторона жизни степнаго населенія, какъ видно по мѣстнымъ письменнымъ памятникамъ, находилась въ плачевномъ состояніи. И не мудрено. Дурныя наклонности невѣжественной массы, не встрѣчая противодѣйствія со стороны духовныхъ отцовъ, естественно стали проявляться въ широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Убійства и грабежи среди бѣла дня, на улицѣ, стали къ концу XVII в. обычнымъ явленіемъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что были отдѣльныя личности изъ среды духовенства съ

---

[8]) См. Ист. оч. при—Дон.—края при св. Митрофанѣ, *авт.*

трезвымъ сознаніемъ своего высокаго назначенія, которыя, видя всеобщее разрушеніе одной изъ главныхъ основъ христіанства—народной нравственности, пытались было вліять на массу, но подобныя попытки вели обыкновенно лишь къ истязанію „попа", какъ тогда называли священниковъ. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ священникъ вздумалъ воспротивиться продажи помѣщикомъ сельской церкви на сносъ и вотъ, въ одинъ прекрасный день этотъ злополучный священникъ *изчезаетъ безслѣдно*. Его несчастная вдова вздумала судомъ спасти мужа и въ наказаньи за ея смѣлость, пользуясь ея беззащитнымъ положеніемъ, среди бѣлаго дня, сжали хлѣбъ съ ея маленькаго поля, заграбили ея имущество и такимъ образомъ несчастную пустили по міру съ дѣтьми, и это возмутительное насиліе случилось не гдѣ нибудь въ глуши, а въ с. Рядномъ, подъ самимъ Воронежемъ, въ которомъ въ то время (это случилось въ 1701 г.) Петръ Великій пребывалъ по долгу; слѣдовательно, какъ говорится, на его глазахъ [9]). Спрашивается, что-же дѣлалось подальше отъ Воронежа и до Петра Великаго? По истинѣ, почти невѣроятныя вещи разсказываютъ намъ мѣстные письменные памятники о религіозно-нравственной сторонѣ жизни степнаго населенія въ XVII столѣтіи! Мы не будемъ здѣсь распространяться о нихъ, для этого потребовалось-бы слишкомъ много мѣста и времени. Приведемъ только, какъ характеристику дѣтско-наивныхъ понятій о религіи обитателя Донской Украины, слѣдующій случай, имѣвшій тамъ мѣ-

---

[9]) См. Русск. Арх. за 1887 г. „Оч. Старод. мѣст., быта. Статья автора.

сто въ концѣ XVII столѣтія, слѣдовательно уже въ царствованіи Великаго Преобразователя Россіи. Въ Азовѣ былъ привлеченъ къ суду, въ качествѣ обвиняемаго въ святотатствѣ, солдатъ, находившійся на часахъ на одномъ изъ Петровскихъ военныхъ кораблей. Его обвиняли въ томъ что находясь на часахъ, онъ взломалъ дверь, ведущую въ каюту, гдѣ этого солдата застали предъ образомъ Божіей Матери, висѣвшимъ въ каютѣ, изъ чего сначала было заключили, что онъ совершилъ взломъ ради покражи образа; но этого солдата оправдали, да и не могли обвинитъ: *онъ совершилъ взломъ съ тою цѣлію, чтобы помолится на образъ.* Его дѣтско-наивному уму казалось, что его молитва не будетъ услышана сквозь толстую дверь каюты [10]).

Таковъ былъ религіозно-нравственный бытъ христіанскаго населенія въ этомъ краѣ до прибытія великихъ мужей св. Митрофана и царя Петра. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ распространеніе христіанства въ при-Донскомъ краѣ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія почти ни на шагъ не подвинулось впередъ. Теперь перейдемъ къ обзору дѣятельности св. Митрофанія и царя Петра въ этомъ направленіи.

Уже царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ особенности отцомъ его, многострадальнымъ патріархомъ всея Руси, Филаретомъ, были приняты всевозможныя мѣры къ распространененію христіанства среди обитателей при-Донскихъ степей. Для чего, въ числѣ прочихъ мѣръ, были употреблены всевоз-

---

[10]) Арх. В. Губ. Ст. К.; Отд. I. Азов. дѣла.

можныя старанія къ поддержанію авторитета Православной Церкви и ея представителей на польской Украйнѣ. Духовныя лица пользовались здѣсь болѣе широкими правами, чѣмъ товарищи ихъ во внутреннихъ областяхъ, а украинскія церкви и монастыри получали поддержку деньгами, ругою и доходными статьями или-же жалованными вотчинами и доходами съ угодьевъ вмѣсто руги. Но помимо матеріальной, правительствомъ оказывалось духовнымъ лицамъ и сильная нравственная поддержка. Такъ свидѣтельство одного священника въ какомъ нибудь судебномъ дѣлѣ ставилось гораздо выше показаній нѣсколькихъ мірянъ. Личность *попа* охранялась закономъ отъ оскорбленій гораздо строже; во всѣхъ общинныхъ совѣтахъ и выборахъ голосъ духовныхъ лицъ имѣлъ одно время почти рѣшающее значеніе и т. п... Къ сожалѣнію, всѣ старанія правительства въ этомъ отношеніи не привели къ цѣли. Дѣло въ томъ, что Украйна сильно нуждалась въ добрыхъ и развитыхъ пастыряхъ, въ коихъ въ самой *Бѣлокаменной* въ тѣ времена ощущали сильнѣйшій недостатокъ: ихъ на Руси было, по пословицѣ, много званыхъ, но мало избранныхъ. Оставляя образованныхъ и нравственныхъ духовныхъ лицъ на мѣстѣ, Москва снабжала Украйну такими духовными руководителями, которые по нравственнымъ своимъ качествамъ вполнѣ соотвѣтствовали мірянамъ, во множествѣ ссылавшимся Московскимъ правительствомъ на Украйну за разныя преступленія на вѣчное житье. Сюда, на Украйну, слѣдовательно, стекалась та часть духовенства, которая по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ не могла быть терпимой въ

Москвѣ. Мало того, удаленность центра духовнаго управленія, продажность приказныхъ, невѣжество массы были причиною тому, что въ при-Донскомъ краѣ вскорѣ появились священники вовсе неподготовленные къ своему высокому служенію, какъ бѣглые стрѣльцы, ловкіе *ахреяне* (раскольники) и *гулящіе* люди безъ роду и племени [11]); таковъ былъ составъ пастырей—самозванцевъ, водворившійся на Украйну въ качествѣ духовныхъ отцовъ.

Очевидно, для поднятія нравственнаго уровня при-Донскаго края прежде всего необходимъ былъ *епископъ*, и при томъ епископъ, живущій въ районѣ своей дѣятельности, надзирающій лично за низшимъ духовенствомъ, а не издали, какъ это водилось до сихъ поръ; короче—настояла крайняя необходимость въ открытіи *Воронежской епархіи*.—Этимъ, и только этимъ, путемъ Московское правительство могло надѣяться достигнуть благопріятныхъ результатовъ въ нелегкой борьбѣ съ дикимъ фанатизмомъ раскольниковъ, массами переселявшихся изъ внутреннихъ областей въ привольныя донскія степи, гдѣ имъ легче было укрыться отъ правительственнаго дозора и преслѣдованія,—съ невѣжествомъ и грубостью всего остальнаго населенія, и въ тоже время контролировать дѣятельность мѣстнаго низшаго духовенства.

Здѣсь необходимо напомнить, что до учрежденія самостоятельной Воронежской епархіи Воронежъ принадлежалъ къ епархіи Рязанской.

Отсутствіе личнаго надзора преосвященныхъ за

---

[11]) ibid. Отд. II. Дѣла Ворон.

низшимъ духовенствомъ много способствовало тому, что послѣднее не всегда относилось съ полнымъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ, что́, въ свою очередь, крайне вредно вліяло на народную нравственность. Правда, въ Воронежѣ находился святительскій Домовой Дворъ съ Приказною Избою, находившійся подъ вѣдѣніемъ игумена Алексѣевскаго монастыря, но вслѣдствіе его несамостоятельности, такъ какъ рѣшенія по всѣмъ епархіальнымъ дѣламъ получались въ Воронежѣ изъ Переяславля Рязанскаго (мѣстопребываніе преосвященнаго Рязанскаго и Муромскаго), вліяніе игумена было почти ничтожное. Привлеченному игуменомъ къ отвѣтственности духовному лицу за недобросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, стоило только *повидаться* съ дьяками Митрополичьяго Двора въ Переяславлѣ—Рязанскомъ, чтобы вернуться въ при-Донской край *обѣленнымъ* для новыхъ подвиговъ въ этомъ направленіи.

Такъ оно было даже и при извѣстномъ своею строгою жизнію, мужѣ высокой честности, при игуменѣ Питиримѣ, который, будучи очень строгъ въ отношеніи самого себя, оказывался совершенно безпомощнымъ, когда слѣдовало наказать провинившагося изъ среды подчиненнаго ему духовенства, удивительно ли послѣ этого, что за время его управленія мѣстныя безурядицы въ духовномъ мірѣ достигли наибольшей степени, что, впрочемъ, послужило къ счастью для мѣстнаго населенія, ибо ускорило учрежденіе особой епархіи для при-Донскаго края съ Духовнымъ Приказомъ въ самомъ Воронежѣ.

Въ Ноябрѣ 1681 года, по предложенію Царя

Ѳеодора Алексѣевича, состоялось Соборное постановленіе объ учрежденіи новыхъ епархій.

Царь полагалъ было увеличить число епископовъ съ подчиненіемъ ихъ власти митрополитовъ; но созванный Соборъ билъ челомъ, „чтобы Великій Государь милостиво къ архіепископскому чину разсмотрѣніе положилъ, и вновь гдѣ, въ пристойнѣхъ мѣстѣхъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ, архіереевъ устроити, архіепископовъ или епископовъ *особоми ихъ епархіи, а не подъ митрополитами быть подвластнымъ*...“ Вотъ этому Соборному отвѣту на запросъ Царя Ѳеодора Алексѣевича два степныхъ города польской украйны, Воронежъ и Тамбовъ, обязаны были учрежденіемъ для нихъ независимыхъ, вполнѣ самостоятельныхъ епархій. Въ Воронежъ былъ назначенъ первымъ епископомъ на новоучрежденную епархію игуменъ обители преподобнаго Макарія Унженскаго—Митрофанъ. „По Государеву указу и патріаршему приговору, 27-го Ноября 1681 года, велѣно быть на Воронежѣ епископу, а во удовольствованіе даны ему Боршовъ да Успенской, да Алексѣевской монастыри, а за ними 210 дворовъ“. Затѣмъ по Государеву указу, 2-го Апрѣля 1682 года къ Воронежской епархіи отдѣлены отъ Рязанской города: Воронежъ, Елецъ, Романовъ, Орловъ, Костяneскъ, Коротоякъ, Усмань, Сокольской острожекъ, а по словамъ Болховитинова—еще Урывъ и Землянскъ съ уѣздомъ, и въ тотъ же день былъ хиротонисанъ на новоучрежденную епархію первымъ епископомъ игуменъ Митрофанъ.

Задача, выпавшая на долю новаго епископа новой епархіи была до крайности трудна. Ему, какъ

въ свое время царю Михаилу Θеодоровичу, пришлось въ Воронежѣ не улучшать, а созидать все вновь.

Повсюду вникая лично, близко знакомясь со всѣми сторонами далеко невсегда безупречной жизни своего духовнаго стада, онъ строго осуждалъ проступки каждаго, отступавшаго отъ прямаго пути, все равно, было-ли совершено преступленіе противъ церковныхъ постановленій или противъ законовъ свѣтской власти; въ послѣднемъ случаѣ его голосъ особенно сильно раздавался противъ столь распространенныхъ въ его время произвола и лихоимства приказныхъ людей.

Неисчислимыя услуги оказалъ епископъ Митрофанъ также и царю Петру какъ денежными пожертвованіями, такъ главнымъ образомъ сочувствіемъ, обнаруженнымъ имъ къ предпріятіямъ Великаго Преобразователя.

Великое затрудненіе для перваго Святителя Воронежской епархіи въ его пастырски-просвѣтительной дѣятельности представлялось и тѣмъ, что въ безбрежныхъ степяхъ при-Донскаго края онъ былъ одинъ, безъ надежныхъ помощниковъ и сотрудниковъ. Богъ на небѣ да глубокая вѣра и любовь въ душѣ— вотъ его сотрудники. На первыхъ порахъ не нашлось ни одного духовнаго лица, на содѣйствіе котораго онъ могъ-бы вполнѣ положиться, за исключеніемъ развѣ игумена Питирима, уже преклонныхъ лѣтъ и измученнаго безполезною, долголѣтнею борьбою съ безнравственностью мѣстнаго населенія и его духовныхъ представителей, да священника Воскресенской церкви о. Андрея, постоянно находившагося при немъ.

Трудно себѣ вообразить тѣ страданія, какія выпали на долю перваго Воронежскаго епископа, Св. Митрофана, уже съ первыхъ дней управленія приДонскимъ краемъ. Въ довершеніе всего, къ этому времени ордынскіе хищники произвели цѣлый рядъ ужасныхъ набѣговъ, и непривычному еще Св. Митрофану впервые пришлось быть свидѣтелемъ тяжелыхъ кровавыхъ сценъ, воочію видѣть, какъ кочевники, связавъ сотни и тысячи женщинъ и дѣтей уводили ихъ въ степь и долго, долго помнились ему окровавленные трупы, озаренные заревомъ пылающихъ селъ и отчаянные вопли уводимыхъ полоняниковъ...

Удивительно ли послѣ этого, что святитель частенько со слезами на глазахъ молилъ Бога прислать избавителя православнаго народа отъ вѣковыхъ его мучителей! Богъ внемлилъ этимъ горячимъ молитвамъ — избавитель не замедлилъ явиться. .

Однажды, позднею осенью 1694 года, святителю и воеводѣ дали знать изъ Москвы, что царь Петръ Алексѣевичъ ѣдетъ въ Воронежъ. Воронежцы не вѣрили ушамъ своимъ! Болѣе ста лѣтъ просуществовалъ Воронежъ и не бывало примѣра, чтобы сюда, въ эту глушь, рискнулъ заѣхать царь! Понятно съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались воронежцы царя Петра. Наконецъ онъ пріѣхалъ, и на обѣдѣ у святителя, крайне нервный, пылкій и энергичный Петръ сразу заявилъ святителю, о цѣли своего пріѣзда: „построить могучій флотъ, цѣною чего-бы то нибыло, спуститься по Дону и — нанести смертельный ударъ исконнымъ врагамъ Россіи!“ Достаточно было святителю, заглянуть въ орлиные глаза Великаго Петра,

чтобы не сомнѣваться болѣе въ успѣхѣ его. Достаточно было Великому Петру взглянуть на святителя, глаза котораго, съ неземнымъ блескомъ, то благодарно глядѣли на образъ, то радостно на него, чтобъ не сомнѣваться болѣе въ помощи Неба! Съ этого момента 72-лѣтній святитель Митрофанъ и 22-лѣтній юноша-царь сроднились сердцами и слились душами. И вотъ объясненіе, непонятнаго на первый взглядъ, взаимнаго благоговѣнія до нельзя религіознаго и нелюбителя новшествъ святителя и царя, во многомъ расходившагося съ нимъ въ убѣжденіяхъ — ихъ связала одна общая идея, одно святое чувство — пламенная любовь къ отечеству, и въ этомъ отношеніи оба они не вѣдали предѣловъ своимъ жертвамъ: царь, лично работалъ топоромъ и кровавые мозоли съ рукъ не сходили, святитель голодалъ вмѣстѣ съ своимъ честнымъ и добрымъ Питиримомъ, отсылая послѣдній грошъ къ *Адмиралтейцу* Θедору Матвѣевичу Апраксину на *ратное дѣло*, а самъ непрестанно молился о дарованіи побѣды Русскому оружію...

Прошло два года, и Азовъ палъ къ стопамъ Великаго Петра. Какъ нѣкогда завоеваніе Казани, такъ и теперь паденіе грозныхъ твердынь Азова потрясло въ самой основѣ обаяніе полумѣсяца на кочевниковъ. Въ могущество Турокъ не хотѣли болѣе вѣрить: сила оказалась на сторонѣ Бѣлаго Царя, и для православнаго миссіонерства слѣдовательно снова открылось широкое поле дѣятельности.

Святитель Митрофанъ уже успѣлъ обдумать свой образъ дѣйствій и подѣлиться своими мыслями съ Петромъ. Онъ не желалъ унизить христіанство пу-

темъ насильнаго крещенія, подобно нехристямъ, которые насильно басурманили православныхъ. Нѣтъ, мягкими христіанскими мѣрами слѣдуетъ дѣйствовать! Царю Петру, вѣроятно, не совсѣмъ по нутру были эти мягкія мѣры: онъ вѣдь привыкъ проводить всѣ свои проекты въ жизнь мечемъ и дубинкою, но святителя онъ глубоко чтилъ и прекословить не хотѣлъ. Сказано—сдѣлано. Въ Азовѣ учреждена Приказная Палата и воздвигнутъ храмъ во имя Пресвятыя Богородицы. Святитель отправилъ въ Азовъ, въ качествѣ подъячихъ при Приказной Палатѣ, нѣсколько лицъ, подготовленныхъ имъ для миссіонерской дѣятельности, въ числѣ которыхъ особенно по способностямъ выдѣлялся нѣкто Вахтинъ. Узнаетъ Вахтинъ, что къ Азову прикочевалъ Калмыцкій мурза, съ своими кибитками, Вахтинъ одѣваетъ шапку— и маршъ за городъ. Тамъ онъ вступалъ съ мурзою въ бесѣду, въ которой доказывалъ, что Всемогущій Богъ христіанскій полюбилъ Бѣлаго Царя и ему великую власть далъ покорять народы и брать крѣпости, отсюда ясно, что тотъ можетъ счастливо и безопасно кочевать въ степи, кто отдастъ себя подъ высокую руку Бѣлаго Царя, а для этого надо быть христіаниномъ. Взглянетъ мурза на грозныя стѣны Азова, на золоченый куполъ церкви и сіяющій на солнцѣ крестъ, вспомнитъ, что еще такъ недавно эта самая церковь была мечетью, призадумается, глядишь,—и вотъ онъ, представитель нѣсколькихъ десятковъ душъ, стоитъ въ Приказной Палатѣ предъ бояриномъ и воеводою, *выпрашивая* себѣ какъ милость помочь ему и его людямъ просвѣтиться вѣрою Христовою. Чтобъ не казаться голословнымъ

приведемъ какъ образчикъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, случившійся въ Азовѣ 10-го Сентября 1699 года.

208 года Сентября въ 10 день явились на Азовъ боярину и воеводамъ Степану Ивановичю Салтыкову съ товарыщи Калмыки, а сказали, что они пріѣхали въ Азовъ, желая православные христіянскіе вѣры Греческаго закона и воспріятія Святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа и служить Великому Государю со всякимъ усердіемъ безъ измѣны; а которыхъ улусовъ и мурзъ люди, то писано ниже сего:

Мурза Данжи, котораго зовутъ по крещеніи Иванъ Алексѣевъ сынъ, люди его калмыки, перваго зовутъ Санралъ, жена у него Корокулъ, два сына, Розокъ, Семеръ, да дочерь дѣвка.

Муханбасъ съ женою Голюгою, сынъ Бузукей, двѣ дочери дѣвки, Балдина, Денбая

Немня съ женою Бавликою, съ дѣтми съ сыновьями съ Цейдешемъ, съ Булотомъ, съ Баготумеремъ, съ Зориэтою.

Манзелай съ женою Цагаюнъ, съ сыновьями Бату-Темиремъ, съ Нункошомъ, съ Денбуломъ, съ дочерьми дѣвками Бекбулой, Шурватю, Батшай.

Тунжиръ съ женою Васуй съ двумя сыновьями, съ Дендекой, съ Дондукъ, да съ двемя дочерми, дѣвками, съ Черенъ, съ Чюронъ.

Шезгай съ женою Сатурою да съ матерью вдовою Кундюй, да съ братомъ Менкомъ.

Баеръ съ женою Занданъ, съ дочерми дѣвками съ Занчатъ, съ Даилипъ.

Серенгеренченъ съ женою Нюкасъ, съ матерью вдовою Ахалэ, съ братомъ Балсуй съ сыномъ Боголда да съ дочерью дѣвкою да съ челядницѣю вдовою Маши.

Беденъ съ женою Абаханъ съ дѣтми съ Булатомъ, съ Болоконъ, съ Бектемирь.

Кичегоня съ женою Галай да съ сыномъ Матасъ, съ дочерью дѣвкою Толай, другая Адисъ.

Дурамъ съ двемя братями Туханъ, Тансу, у нихъ же мать вдова Куточи, да сестра дѣвка Медыка.

Чекай, холостъ.

Кунгирей съ женою Батуръ, съ тремя сыновьями, Булатъ Бай-Темирь, Кульцегашъ.

Байши съ женою Кухолдакъ.

Барлатъ съ женою Иксей, съ сыновьями Олонъ, Онча къ, Банбай, съ дочерью дѣвкою Денбай.

Салтанъ съ женою Женгай, у него дѣти Гумеша съ женою Батуй, у Гумеша два сына Монка, Темирь, дочь дѣвка Инка, да у Салтана жъ дѣти да внукъ Гуенъ, Ичень, Гуйши.

Герясь съ женою Гелеганъ, съ сыновьями Чегажъ, Неудельчи, Басу да съ дочерьми дѣвками Човашъ, Само, Амуръ, Банба, Батушъ съ женою Ачи, съ сыномъ Болотомъ.

Шарашъ Вонъ съ женою Эсиль, съ сыновьями Бату, Менко, Буною, Бекчамъ, Тохой, Черинъ, Цойдашъ.

Басунъ Булукту, съ двемя дочерми дѣвками Буга. Билдя.

Баекъ съ женою Булаганъ съ сыновьями Тулай, Золи, Эмбугай, съ дочерью дѣвкою Зотба, съ матерью вдовою Чиленъ.

Баргай съ женою Самсу, съ сыновьями Баекъ, Цайдашъ съ дочерью дѣвкою Тугусъ.

Байгара съ женою Кокуй съ сыновьями Аюшинъ, Учиръ, съ дочерми дѣвками, Адаширгу, Кичи, съ матерью вдовою Эби.

Поругай съ женою Занданъ, съ сыновьями Батугай, Бобанъ, Батуракъ съ дочерью дѣвкою Тугусъ.

Байскуланъ съ женою Табракъ съ дочерью дѣвкою Пулданъ съ братями Ига, Дукерь, у нихъ же сестра дѣвка Маши.

Бакшидай съ женою Мули, съ сыновьями Менкушъ, Библа съ дочерью дѣвкою Певою.

Шубунъ съ женою Цеганъ, съ сыновьями Томиръ, Даши, Этельмашъ съ женою Сумерь, съ сыновьями Элдей, Галдевай.

Дуганъ съ женою Зябъ, съ сыновьями Дожи, Путилякъ.

Моношъ съ женою Карвай.

Тулхачей съ женою Баганбаши.

Санбу съ женою Умаханъ, съ сыновьями Бату, Курбенъ Шогорокъ, Аю, Белянай, съ двемя дочерми дѣвками Пенза, Энка.

Сакилъ съ женою Кулюкъ, съ сыномъ Элдетъ, съ двемя дочерми дѣвками Золвинъ, Чюгашъ.

Такъ съ женою Аймесу, съ дочерью дѣвкою Дегре.

Цоэренцей съ женою Эркле.

Каанчи съ женою Сикарь, съ сыновьями Менко, Бату, Бединъ.

Дараша съ женою Кардею, съ сыномъ Чюгашомъ.

Цаганъ съ женою Кабиръ, съ снохою вдовою Дамагулъ, у ней двѣ дочери дѣвки Сана, Мирь, съ снохою же вдовою Хотонъ, у нея сынъ Абичинъ, дочери дѣвки Чиринъ, Соломчатъ, Кобонъ.

Иванъ съ женою Индакъ и сказалъ онъ Иванъ руской породы, а съ Руси взятъ полономъ въ малыхъ лѣтехъ, у него дѣти: Сновя, Байтуху, Манханъ, Олцанъ, Мандаликъ.

Тулай, Ивановъ сынъ, съ женою Тебѣкъ.

Всего 40 семей, малыхъ мужеска полу 83.

Всего всѣхъ по запискѣ мужеска полу большихъ 71, малыхъ 111, всего 182.

---

208 году Сентября въ 19 день явился въ Азовѣ въ Приказной Палатѣ передъ бояриномъ и воеводы Степаномъ Ивановичемъ Салтыковымъ съ товарыщи иноземецъ Мактемирева улусу началной человѣкъ мурза Черендундукъ съ братомъ своимъ роднымъ Черендашомъ, покиня улусъ свой на Сендекѣ рѣкѣ, а улусу де его осталось пятдесятъ восмь кибитокъ и тотъ его улусъ взялъ Мактемирь, а въ Азовъ не пускаетъ, и онъ де Черендундукъ, покиня отца и матерь и брата и невѣску свою, а братню жену и пожитки свои въ улусѣ своемъ, побѣжали ночью, пожелая православной христіанской вѣры креститца, а Ему, Великому Государю, служить въ вѣчномъ холопствѣ, а съ собою онъ вывезъ жену свою Дашимсу, да людей съ ними мужескаго полу сэмь человѣкъ, да работница, а по имянамъ зовутъ ихъ: Бошонъ съ женою, да холостые, Денжа, Урусъ, Коокуй, Коопча, Заарда, Ямакъ; и пріѣхали де они для воспріятія православные, христіанскіе вѣры, креститца, а пріѣхавъ въ Азовъ къ тестю своему, къ иноземцу выѣзжему къ Ивану Алексѣеву, который выѣхалъ на имя Великого Государя и крестился. И нынѣ живетъ онъ Черендундукъ съ женою и съ братомъ и съ людьми своими у тестя своего у Ивана Алексѣева. И чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ: велѣлъ его, Черендундука и жену и брата и людей его кре-

стить въ православную христіанскую вѣру и хотятъ служить Ему, Великому Государю, въ вѣчномъ холопствѣ и въ вѣрности.

Да они жъ иноземцы Черендундукъ съ братомъ Черендашомъ сказали: какъ де они вздумали креститца въ православную христіанскую вѣру и тогда Мактемиръ ругался надъ ними Черендундукомъ и надъ Черендашемъ и взялъ у нихъ въ улусехъ его пожитковъ пансыръ, а тотъ де пансыръ данъ былъ тридцать коней, да онъ же Мактемиръ взялъ мисюрку булатную, да пищаль, саадакъ со всею збруею да серги золотые да тридцать лошадей, десятъ коровъ, двадцать барановъ; и чтобъ Великій Государь указалъ у Мактемиря взять отца и матерь и брата ихъ и взятые пожитки ихъ и отдать имъ, а какъ де отецъ и мать и братъ ихъ отъ Мактемиря взяты будутъ, и отецъ де и мать и братъ ихъ станутъ креститца въ православную христіанскую вѣру и будутъ служить ему, Великому Государю въ вѣчномъ холопствѣ.

Сентября въ 22 день толмачъ Парѳенъ Ивановъ привелъ въ Приказную Палату жену свою, сказалъ: зовутъ еѣ Коунгоръ да сына малаго, зовутъ Качалій, да калмыка, сказалъ одного съ нимъ улусу, Сулою зовутъ и желаютъ креститися, да Янчю да брата своего Аттуда.

---

208 года Сентября въ 20 день, по указу Великаго Государя бояринъ и воевода Степанъ Ивановичъ Салтыковъ, сего писма слушавъ, приказалъ: вышепомянутыхъ Татаръ для исправленія православные христіанскіе вѣры отослать въ Предтечевъ монастырь къ архимандриту и протопопу съ памятью.—

А по нарѣченію священника Діонисія русскія имъ имяна даны.

Кунгоръ—Ѳекла.
Аттулій—Денисъ.
Качалій—Іоаннъ.

Крещены въ 26 день; воспреемникъ дьякъ Иванъ Молчановъ.

Богатъ Бакшиня улусу.

Сулу—Іоаннъ.
Ялча—Денисъ.

Всего по вышеписанной росписи калмыкъ крещено Сентября въ 26 день.

2 человѣка мурзъ.

Да разныхъ улусовъ людей ихъ большихъ и малыхъ 40 человѣкъ.

Въ нынѣшнемъ 208 году Сентября въ 6 день, въ указѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца изъ Разряднаго Шатра отъ боярина и болшого полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина въ Приказную Палату къ боярину и воеводамъ Степану Ивановичу Салтыкову съ товарыщи за приписью дьяка Ивана Алексѣева, написано:

Въ нынѣшнемъ 208 году Сентября въ 4 день, по Его, Великаго Государя, указу въ Троицкомъ, что на Таганъ-Рогу, крещены въ православную христіанскую вѣру Греческаго закона калмыки мурзы Данжинъ съ товарыщи три, дѣтей ихъ три жъ, свойственниковъ ихъ и людей тридцать человѣкъ. А по росписи, какова подъ тѣмъ Государевымъ указомъ за крещеніе дано имъ:

Мурзамъ по тридцати рублевъ, по лисицѣ чернобурой, сукна даглубскаго по пяти аршинъ человѣку; дѣтемъ ихъ денегъ по двадцати рублевъ, по лисицѣ чернобурой, сукна карназиннаго по четыре аршина человѣку; людемъ ихъ дано сукна шиптуку по пяти аршинъ, имъ же дать изъ Приказные Палаты денегъ по десяти рублевъ человѣку, для того что въ Розрядномъ Шатрѣ денежная казна вся въ расходѣ. Такъ же буде впредь и иные такіе жъ мурзы и калмыки учнутъ Великому Государю о крещеніи въ православную христіанскую вѣру бить челомъ, и ихъ потому жъ крестить и о дачѣ имъ Его, Великаго Государя, жалованья чинить тожъ, что дано вышеписаннымъ мурзамъ и калмыкамъ, а о дачѣ жъ имъ Его, Великаго Государя, жалованья кормовыхъ денегъ впредь Его, Великаго Государя, указъ присланъ будетъ съ Москвы изъ Пушкарскаго Приказу.

А въ нынѣшнемъ 208 году Сентября въ 25 день въ Азовѣ Калмыкъ крещено мурзъ: два человѣка, людей ихъ тридцать девять.

Роспись мурзамъ и калмыкомъ, которые въ нынѣшнемъ 208 году, Сентября въ 26 день, крещены въ православную христіанскую вѣру.

Мурзы

Черендундукъ, имя ему Ѳеодоръ, воспріемникъ дьякъ Иванъ Молчановъ.

(Чер?)ендашъ, имя ему Андрей, воспріемникъ дьякъ Козма Рудѣевъ.

Калмыки

Данжина улусу

Яманъ да сынъ его Манжаланъ, имя имъ Іоаннъ, воспріемникъ дьякъ Иванъ Молчановъ.

Его же сынъ Чакба, Ямановъ сынъ, Малъ, Бабакъ, имя Харитонъ, воспріемникъ дьякъ Козма Рудѣевъ.

Зорголъ, Тангу, да сынъ его Менко, малъ, имя имъ Григорій, воспріемникъ Александръ Блудовъ.

Туртимену, имя ему Михаилъ, онъ же Александръ, Арсанъ, Тарсукъ-Малъ, Сумгукъ-Малъ, Бабаковъ сынъ, Рекченъ Малъ, Тагунчи Байкочюкъ...

При обращеніи въ христіанство магометанъ и язычниковъ соблюдался слѣдующій порядокъ. Бояринъ и воевода, распрашивалъ челобитчика, присоединяется-ли онъ добродѣтелью (т. е. добровольно) и получивъ утвердительный отвѣтъ, отправлялъ его съ препроводительною *памятью* (отношеніемъ) къ протопопу Соборной или въ другую церковь. Протопопъ или благочинный назначалъ священника, на обязанности котораго лежало просвѣщеніе крестящихся, т. е. преподаніе имъ самыхъ необходимыхъ правилъ христіанскаго вѣроученія, а также назначеніе имъ христіанскихъ имянъ. При чемъ священникъ, давъ каждому русское имя, обыкновенно измѣнялъ и прозвище, придавъ ему обычное окончаніе *евъ, овъ. инъ;* напримѣръ Бурулъ Кокуй—Лукьянъ Кукуевъ, Эльмъ

Баранъ—Филипъ Барановъ, и т. д. прозвище впрочемъ не всегда измѣнялось. Приготовивъ присоединяемыхъ и составивъ списокъ христіанскимъ имъ именамъ, священникъ давалъ знать благочинному, который назначивъ день крещенія, давалъ объ этомъ знать воеводѣ и въ тоже время пріискивалъ воспріемниковъ и воспріемницъ, что также лежало на его обязанности.

Одно время, какъ напримѣръ въ 1698—9 гг., охотниковъ принять христіанство было столько, что невозможно было собрать столь много воспріемниковъ, почему на одно лицо приходилось нерѣдко до 50 и болѣе душъ крестящихся. Одинъ Александръ Блудовъ, какъ видно изъ Азовскихъ дѣлъ, въ эти два года былъ воспріемникомъ до 1000 слишкомъ душъ магометанъ и язычниковъ. Между тѣмъ, получивъ извѣщеніе отъ благочиннаго, воевода, въ свою очередь, готовился къ назначенкому дню. Надо замѣтить, что ради большаго впечатлѣнія, обрядъ крещенія обставлялся возможно торжественнѣе, причемъ воеводою и воспріемниками раздавались новокрещеннымъ подарки. Въ чемъ заключались подарки, это видно изъ записной тетрадки боярина и воеводы Степана Богдановича Ловчикова, сохранившейся въ Азовскихъ дѣлахъ. Вотъ что въ ней говорится:

Куплено въ ряду у торговыхъ людей товаровъ:

8	Крестиковъ серебряныхъ золоченыхъ.
20	„ „ малыхъ.
200	„ мѣдныхъ.
227	Гайтановъ да снурку на гайтаны.
162	Пояса, тожъ число гачниковъ нитныхъ.
	Поясъ шолковый.

6 Обувей сапоговъ сафьяныхъ.
130 „ яловочныхъ.
Сафьянъ, изъ него двои сапоги.
Рубашка Александринской пестреди.
6 „ Теврюжьской пестреди.
117 „ русскихъ.
Штаны Александринской пестреди.
57 „ Теврюжьской пестреди.
255 аршинъ пестреди бумажной и Нижегородцкой.
240 „ холстовъ.

Всего 495 аршинъ. И изъ таи пестреди и холстовъ спито 40 рубахъ и 94 штаны.

Рубахъ же Ивановского полотна (сшитой?) женскихъ 5 рубахъ, добрыхъ.

Холста 310 аршинъ. Изъ того холста спито рубахъ 47. Въ томъ числѣ:

10 по 7 аршинъ съ четью; 10 по 7 аршинъ; 7 по 6 аршинъ по 3 четверти; 10 по 6 аршинъ съ полуаршиномъ; 10 по 6 аршинъ безъ четверти. И всего купленыхъ и спитыхъ рубахъ мускихъ и женскихъ и портовъ: рубахъ мускихъ —164; штановъ—151; рубашки женскихъ—52.

И тѣхъ крестовъ и гайтановъ и поясовъ и гачниковъ и рубахъ и штановъ и сапоговъ въ расходѣ.

Сентября въ 26 день крещено 2 человѣка мурзъ, 34 человѣка калмыкъ. Воспріемники у нихъ были: мурзу да двух калмыкъ—дьякъ Иванъ Ивановичъ Молчановъ; мурзу жъ да двухъ калмыкъ—дьякъ Козма Ивановичъ Рудѣевъ. Калмыкъ 9 человѣкъ—Екимъ Кисленской; 4 человѣкъ—Александръ Блудовъ; 5 человѣкъ—Венедиктъ Янъ Грекъ; 7 человѣкъ Володимеръ Жаворонковъ; 5 человѣкъ -Исай Кнопъ. Дано имъ мурзамъ двумъ по кресту золоченому; калмыкамъ малымъ четыремъ по серебренному малому, а большимъ тридцати—по мѣдному.

Рубахъ: мурзамъ двумъ красныя теврюжьской пестреди, рядовымъ—Ивановского полотна. Штаны всѣмъ пестрединные съ гачьники, гайтаны на кресты и пояса, по сапогамъ, въ томъ числѣ двумъ мурзамъ саѳьяные.

Октября въ 1 день крещено колмыкъ 7 человѣкъ. Воспріемникъ у нихъ былъ Василей Тутолминъ. Дано имъ по кресту съ гайтаномъ, по рубашкѣ съ штанами; въ штанахъ по гачьнику, по поясу, по сапогамъ.

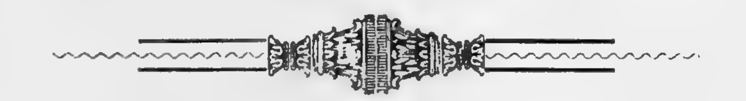
Октября въ 5 день крещены калмыки четыре человѣка воспріемникъ у нихъ былъ Ѳедоръ Паюсовъ. Дано имъ по кресту съ гайтаномъ, по рубашкѣ съ штанами; въ штанахъ по гачьнику, по поясу, по сапогамъ.

Толмачева жена. Воспріемникъ у ней былъ Александръ Блудовъ; далъ ей крестъ серебреной малой, рубашка съ штанами, въ штанахъ гачьникъ; поясъ да сапоги.

Октября въ 12 день крещены: мурзы Егурчей съ братомъ да съ двумя сыновьями, дано имъ по кресту, мурзамъ по серебреному малому съ гойтаны. Енгурчею рубашка и штаны александринской пестреди, на крестъ снурку шолкового аршинъ съ четвертью, поясъ шолковой да нитной, вмѣсто гачника, брату его рубашка красная теврюжьской пестреди, штаны, въ штанахъ гачникъ, поясъ нитной, обѣимъ по сапогамъ саѳьяннымъ. Енгурчеевымъ дѣтямъ по рубашкѣ съ штанами, по поясу, по сапогамъ саѳьяннымъ малымъ, которые сдѣланы изъ саѳьяну.

Такимъ то образомъ совершался мирный и добровольный переходъ многихъ тысячей магометанъ и язычниковъ въ христіанскую вѣру къ вящей радости святителя Митрофана, у котораго теперь было очень много отрадныхъ дней въ жизни, но слишкомъ мало средствъ къ ея поддержанію... Дѣло въ томъ, что, чѣмъ болѣе Петръ одаривалъ святителя, тѣмъ болѣе пересылалось изъ архіерейскихъ доходовъ въ Адмиралтейство на ратное дѣло, а что еще оставалось у святителя, то у него выманывали нищіе и въ особенности *колодники* и *тюремные сидѣльцы.* Дошло наконецъ до того, что святитель питался плотвою и мелкою рыбешкою изъ вотчинной рѣченки Дѣвицы.

Одно неожиданное событіе, въ 1699 г., поставило было святителя въ крайне неловкое положеніе и чуть не обнаружило предъ свѣтомъ лишенія, которымъ онъ подвергалъ себя, чего ему вовсе нехотѣлось. Случилось вотъ что. Воевода извѣстилъ святителя, что царь ѣдетъ въ Воронежъ. Святитель уже зналъ по опыту, что Петръ пріѣхавъ, тотчасъ же отправится къ нему на обѣдъ. Что было дѣлать? За душой ни гроша — всѣ деньги розданы, плотвою царя совѣстно кормить, а купить положительно не на что. Въ этомъ безвыходномъ положеніи святитель написалъ извѣстное письмо къ Острогожскому полковнику Куколю съ просьбою прислать рыбу *ради праздника Благовѣщенія и пришествія Великаго Государя.* „Приходитъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“, писалъ святитель, а на Воронежѣ Соборная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Пожалуй Ѳедоръ Ивановичь, къ такому честному празднику и ради пришествія Великаго Государя, прикажи промыслить свѣжинькова осетрика, да бѣлужины свѣжей, *или хотя новосольной.* Симъ твоимъ жалованьемъ зато плательщики. *А у насъ на Воронежѣ и сомины взять негдѣ.* Куколь вѣроятно не мало удивлялся, какъ это православный и сравнительно богатый Воронежъ живетъ постомъ безъ рыбы, даже безъ *сомины* или, можетъ быть, онъ понялъ такъ, что рыбы тамъ нѣтъ для бѣднаго святителя? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ поспѣшилъ ему своевременно на помощь.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

ОТЪ СВ. МИТРОФАНА И ДО СВ. ТИХОНА.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Дѣятельность св. Митрофана.—Семейный бытъ на Украйнѣ.—Браки.—Разводъ.—Бытовыя особенности при-Донской Украйны.—Отсутствіе теремовъ.—Церковно-приходскія школы.—Кончина святителя.—Бездѣятельность его преемниковъ.—Упадокъ народной нравственности.—Языческія празднества.—Ахреяне.—Очеркъ развитія раскола въ при-Донскомъ краѣ.—Св. Тихонъ.—Его дѣятельность на пользу религіозно-нравственнаго развитія края.—Его борьба съ расколомъ.—Положеніе раскола на Украйнѣ.—Причины его живучести.—Вліяніе св. Тихона на раскольниковъ.—Блестящіе результаты его дѣятельности.—Заключеніе.

Ближайшіе преемники святителя Митрофана далеко уступали своему предшественнику какъ въ умственномъ развитіи, такъ и въ нравственномъ вліяніи на народную массу. Они не обладали тѣмъ даромъ небеснымъ, той „искрой Божьей", которыми такъ богато надѣленъ былъ первый епископъ Воронежской епархіи и благодаря которому, Св. Митрофанъ всецѣло овладѣлъ и умами и сердцами своихъ пасомыхъ. Его обаяніе также какъ и вліяніе его были сильны, можно сказать неотразимы: его одинаково боялись и въ тоже время боготворили, какъ мѣстные воеводы, такъ и ратные и жилецкіе люди, хотя святитель по кротости своей былъ совершенно для нихъ безвреденъ *); но такова уже

*) На сколько Святителя, какъ власть имущаго, въ сущности не боялись, наглядно свидѣтельствуетъ фактъ самаго безцеремоннаго захвата принадлежавшаго ему участка земли воеводами Коротоякскимъ

сила вліянія великой души, что всѣ извѣстныя намъ распоряженія святителя исполнялись воеводами и приказными людьми точнѣйшимъ образомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе любопытныхъ распоряженій святителя по своей епархіи.

1.) О невѣнчаніи приходскими священниками лицъ, непредъявившихъ вѣнечной памяти изъ Духовнаго Приказа.

2.) О невыдачѣ вѣнечной памяти изъ Суднаго Архіерейскаго Приказа безъ удостовѣренія воеводы въ томъ, что дѣвушка выходитъ замужъ не по принужденію, а *добродѣтелью* (т. е. добровольно), притомъ съ согласія родителей и при непремѣнномъ содѣйствіи *ходатыхъ сватовъ, добрыхъ людей* [12]).

3.) О неразрѣшеніи хоронить убитыхъ и скоропостижноумершихъ безъ удостовѣренія воеводы въ томъ, что мѣры къ розысканію убійцъ или къ обнаруженію причины смерти имъ уже приняты.

4.) О введеніи церковнаго пѣнія при богослуженіи.

5.) Рядъ мѣръ къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія мѣстнаго духовенства. Въ числѣ первыхъ отмѣтимъ: запрещеніе посвящать въ священники лицъ, недостаточно подготовленныхъ или почему либо не пригодныхъ къ высокому званію пастыря Церкви; воспрещеніе духовнымъ лицамъ за-

---

и Ольшанскимъ, которые для того, чтобы воспользоваться домовою вотчиною Святителя „насѣкли воровскія грани и выкопали яму". (Ворон. Акты, кн. 3, стр. 91) Съ Святителя Митрофана не бралъ тотъ, кто развѣ не хотѣлъ брать, нищіе и колодники его попросту обирали, но гдѣ дѣло касалось интересовъ Церкви или народной нравственности, тамъ онъ, хотя кротко и мягко, но умѣлъ настоять на своемъ.

12) Г. Воронежъ. Ист. Очеркъ, изслѣд. автора, стр. 143.

ниматься торговлей и вообще мірскими дѣлами и о воспрещеніи священникамъ отлучаться, безъ крайней надобности, изъ своего прихода [13]).

Какъ человѣкъ высокаго ума и какъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца, святитель никогда не забѣгалъ впередъ въ своихъ распоряженіяхъ, не сочинялъ уставовъ, по которымъ обязательно было бы жить его пасомымъ, а ограничивался лишь мѣрами къ искорененію тѣхъ недостатковъ, которые казались ему наименѣе терпимыми. Мѣры эти принимались имъ благоразумно, осторожно и мягко, а во многихъ случаяхъ почти незамѣтно проводились въ жизнь, никого не ожесточая собою и никого не озлобляя. Поэтому мы вправѣ сказать, что каждое дошедшее до насъ распоряженіе святителя Митрофана есть сохранившаяся страница изъ исторіи нравственности при-Донскаго края, а совокупность его дѣяній -- это историческое зеркало, въ которомъ рельефно отражается религіозно-нравственный бытъ Заоцкой Руси конца XVII и начала XVIII в.

Для того, чтобы понять значеніе первыхъ двухъ изъ упомянутыхъ распоряженій святителя, намъ необходимо, хотя-бы вкратцѣ, познакомиться съ семейнымъ бытомъ при-Донскаго края, какимъ засталъ его святитель Митрофанъ.

Если ко дню прибытія святителя такъ не высокъ былъ нравственный уровень духовенства, то не трудно себѣ вообразить, каковъ онъ здѣсь былъ среди мірянъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что къ концу XVII в. въ при-Донскомъ краѣ большинство на-

---

[13]) Арх. дѣла Ворон. Губ. Стат. Комит.

селенія имѣло лишь самыя смутныя понятія о началахъ нравственности: грабежи, убійства, поджоги и грубѣйшія формы насилія практиковались здѣсь въ широчайшихъ размѣрахъ, не встрѣчая достаточно серьезнаго противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей, въ то время совершенно безсильныхъ, по причинѣ легкости, съ какою преступникъ успѣвалъ на Украйнѣ уклониться отъ карающей руки правосудія: „Отъ Воронежа-де степь не загорожена“ вотъ чѣмъ утѣшали себя здѣсь встарину лица, совершавшія преступленія [14]) и—были по своему правы: въ самомъ дѣлѣ, если цѣлому отряду *воинскихъ непріятельскихъ* людей нетрудно было *безвѣстно прокрасться* къ степнымъ городамъ, то единичнымъ лицамъ куда какъ легко было сбѣжать на Донъ, гдѣ среди донскихъ казаковъ,—этихъ „рыцарей привольныхъ степей“ они находили убѣжище и всѣ благопріятныя условія для новыхъ, темныхъ подвиговъ, въ родѣ вышеупомянутыхъ.

Что въ особенности должно было броситься въ глаза впервые прибывшему на Украйну епископу Митрофану, такъ это прежде всего, крайняя *шатость* семейнаго быта мѣстнаго населенія. Разводъ, въ современномъ значеніи этого слова, едва-ли существовалъ, къ формальному разводу никто не прибѣгалъ: мужъ отъ жены, жена отъ мужа, безъ всякихъ формальностей, переѣзжали въ другой городъ и заключали новый брачный союзъ съ другими лицами. Такихъ примѣровъ мы, по историческимъ актамъ мѣстныхъ древне-хранилищъ, можемъ насчитать сотни; но наиболѣе растлѣвающимъ образомъ вліяла на нрав-

[14]) Русск. Арх. за 1887 г., стр. 296, статья автора.

ственный и семейный бытъ мѣстнаго населенія, близость донскаго казачества. Донскіе казаки сманивали къ себѣ на Донъ женъ отъ мужей и дочерей отъ родителей и *жили тамъ съ ними блудно*. Примѣры похищенія женщинъ къ концу XVII в. стали все болѣе и болѣе учащаться. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе еписк. Митрофана и однимъ изъ первыхъ его распоряженій на Украйнѣ былъ строгій наказъ духовенству не вѣнчать безъ *вѣнечныхъ памятей* изъ Духовнаго его Приказа, а также неослабно заботиться о соблюденіи народомъ святости и ненарушимости семейныхъ узъ. Но такъ какъ съ введеніемъ обязательности предъявленія священнику вѣнечныхъ памятей легкомысленнымъ супругамъ стало затруднительно вновь вѣнчаться при живомъ мужѣ или женѣ, то послѣдніе начали обращаться въ Архіерейскій Судный Приказъ съ челобитными о разводѣ. До чего легко смотрѣло вначалѣ мѣстное населеніе на семейныя узы видно уже изъ того, что большинство челобитчиковъ, а ихъ было не мало, не считало даже нужнымъ письменно излагать свои просьбы о разводѣ, а въ большинствѣ случаевъ било челомъ устно. Но чѣмъ легче былъ взглядъ населенія на разводъ, тѣмъ строже относился къ нему епископъ Митрофанъ, который впослѣдствіи отказывался разводить даже за такіе проступки, какъ явная невѣрность одной изъ сторонъ, замѣняя въ подобныхъ случаяхъ разводъ церковнымъ покаяніемъ или денежною въ пользу церкви пенею [15]).

Не добившись развода, недовольные обыкновенно обращались затѣмъ къ свѣтскому суду, который от-

[15]) Архивн. дѣла Ворон. Статист. Ком.

казывалъ имъ, за неподсудностію дѣла. Вспомнимъ хотя-бы бракоразводное дѣло матроса Марка Матвѣева, который обратился сначала къ епископу Митрофану, о разводѣ своемъ съ женою Анною, но, получивъ отказъ, словесно же билъ челомъ на Воронежѣ въ Приказѣ Адмиралтейскихъ Дѣлъ. Въ его челобитьѣ говорится, что онъ „по указу великаго государя, (Петра I) посыланъ былъ на его великаго государя службу въ Азовъ, а жена-де его Анютка безъ него сошла и жила у иноземца, корабельнаго мастера агличенина Осипа Ноя, и жила съ нимъ блудно и въ среды и въ пятки мясо ѣдала по ихъ иноземческому обычаю, и онъ-де (Матвѣевъ), пріѣхавъ изъ Азова, билъ челомъ преосвященному Митрофану епископу Воронежскому о разводѣ съ нею и по тому его челобитью *указу ему не учинено*. Чтобъ великій государь указалъ его Марка съ нею развести, а она-де Анютка *впредь ему не надобна*, и велѣлъ-бы государь за такое ея беззаконное дѣло учинить ей наказаніе и сослать ее подъ началъ съ Воронежа въ иной городъ, гдѣ онъ великій государь укажетъ“ [16]).

Между тѣмъ, донскіе казаки, лишенные мѣропріятіями епископа Митрофана возможности попрежнему свободно похищать женщинъ, стали пріѣзжать на Воронежъ за *законными* женами, но отъ этого положенія беззащитныхъ женщинъ ни чуть не стало легче или обезпеченнѣе, ибо, обвѣнчавшись на понравившейся имъ дѣвушкѣ, какой-нибудь легкомысленный поклонникъ женскаго пола отвозилъ ее на Донъ, а тамъ жилъ съ нею до новой страсти или до новой

---

[16]) Ворон. акты, изд. Н. Второвымъ. кн. 1.

поѣздки въ Воронежъ, гдѣ онъ съизнова вѣнчался и т. д. Во избѣжаніе подобныхъ злоупотребленій со стороны донскихъ казаковъ и для огражденія неопытныхъ и неразвитыхъ дѣвушекъ и вдовъ отъ подобныхъ случайностей, а главное дабы поднять въ глазахъ воронежцевъ высокое значеніе таинства брака, епископъ Митрофанъ не выдавалъ казакамъ *вѣнечныхъ памятей*, т. е. не разрѣшалъ имъ вѣнчаться съ воронежскими дѣвушками безъ согласія на то родителей послѣднихъ. Въ присутствіи воеводы, родители обязаны были свидѣтельствовать, что всѣ формальности соблюдены *съ ходатыми сваты*, добрыми людьми, что согласіе свое на бракъ они дали, и дали *полюбовно*, что дѣвушка выходитъ *добродѣтелью*, а не по принужденію. Выслушавъ эти показанія воевода извѣщалъ преосвященнаго Митрофана, а онъ, въ свою очередь, выдавалъ чрезъ Казенный Архіерейскій Приказъ вѣнечную память. Такихъ дѣлъ въ архивѣ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета нѣсколько. Всѣ они начинаются челобитною на имя преосвященнаго. Такъ, напримѣръ, били ему челомъ о вѣнечныхъ памятяхъ, 7-го мая 1695 года, донскіе казаки Яковъ Михайловъ да Тимофѣй Григорьевъ; *въ тотъ же день* поступилъ въ воеводскую Избу указъ преосвященнаго Митрофана такого содержанія. „Въ нынѣшнемъ въ 203 году, сего-жъ числа, били челомъ преосвященному епископу и подали челобитную донскіе казаки Черкаскіе станицы Яковъ Михайловъ да Скородумовой станицы Тимофѣй Григорьевъ, а въ челобитной ихъ написано: Сего-жъ де году сосватались они женитца на Воронежѣ: Яковъ сосваталъ за себя у посадскаго чело-

вѣка у Григорья Момотова сестру его, дѣвку, Марью, Иванову дочь, а Тимофѣй-де сосваталъ за себѣ у стрѣльца у Акиноея Подзаплатова сестру-жъ его, дѣвку Прасковью, Никитину дочь. И противъ-де ихъ челобитья на Воронежѣ въ Съѣзжей Избѣ тѣхъ дѣвакъ *матери родныя и братья допрашиваны*, а въ допросахъ-де онѣ своихъ сказали: что-де тѣхъ дочерей своихъ онѣ выдаютъ за нихъ добровольно; и преосвященный епископъ челобитья ихъ слышавъ, указалъ о томъ, *подлинную вѣдомость взять* изъ Съѣзжей избы. И стольнику и воеводѣ Михаилу Ивановичу (Леонтьеву) изъ Съѣзжей избы съ челобитья вышеписанныхъ донскихъ казаковъ Якова Михайлова да Тимофѣя Григорьева и съ допросныхъ рѣчей дѣвкиныхъ матерей и братьевъ: *подлино-ль тѣхъ дѣвакъ матери и ихъ братья за тѣхъ казаковъ выдаютъ добровольно и не бѣгомъ-ли онѣ, дѣвки, за нихъ казаковъ замужъ идутъ?* Обо всемъ о вѣдомѣ писаніемъ въ Казенный Архіерейскій Приказъ къ іеромонаху Іоасафу учинить по указу великихъ государей“....

Между тѣмъ, одному изъ упомянутыхъ казаковъ, именно Якову Михайлову, показалось слишкомъ долгимъ время въ ожиданіи разрѣшенія вѣнчаться, и вотъ, для ускоренія, подаетъ онъ челобитную въ Съѣзжую избу такого содержанія: „великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ бьетъ челомъ холопъ вашъ, Зимовыя станицы донской казачишка Якушка Михайловъ. Въ нынѣшнемъ, государи, въ 203-мъ году посватался я на Воронежѣ у вдовы Параскевы дочери ея, дѣвицу Марью, при стороннихъ людехъ, полюбовно, и съ

ходатыми сваты, добрыми людьми. И преосвященный Митрофанъ, епископъ Воронежскій *опасаетца вашего, великихъ государей, гнѣва* и вѣнечной памяти не даетъ. Милосердые, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы! Пожалуйте меня, холопа своего: велите, государи, ея, вдову Просковью, на Воронеже въ Съѣзжей избѣ передъ стольникомъ и воеводою, передъ Михаиломъ Ивановичемъ Леоньтьевымъ *допросить:* полюбовно-ли она дочь свою за меня сосватала, и по совѣту-ль съ нею? А по допросу, велите, государи, стольнику и воеводѣ М. И. Леонтьеву къ преосвященному Митрофану епископу Воронежскому о докладѣ о вѣнечной памяти свой, великихъ государей, милостивый указъ учинить. Великіе государи Смилуйтеся, пожалуйте"! [17])

Не знаемъ, чѣмъ окончились ходатайства нетерпѣливаго жениха, но въ двухъ приведенныхъ документахъ усматриваемъ интересные историческіе факты. Такъ, видимъ здѣсь отношеніе преосвященнаго Митрофана къ свѣтской власти; взглядъ его на донское казачество; его требованіе согласія родителей на бракъ дочери и въ тоже время—свободы выбора для дѣвушки; далѣе видимъ власть *матери и братьевъ* надъ дочерью и сестрою, въ томъ случаѣ, когда мать —вдова; здѣсь братья, очевидно, заступали мѣсто отца. Не лишено также интереса и то обстоятельство, что казаку--донцу необходимо свататься съ *ходатыми сваты* притомъ *добрыми людьми*—и это не пустая формальность: сваты должны знать кого они

[17]) Архив. дѣла Ворон. Губ. Стат. Ком.

сватаютъ; слѣдовательно,—меньше риску для беззащитной дѣвушки попасть въ безжалостныя руки. Во всѣхъ этихъ требованіяхъ порядка, очевидно, введеннаго преосвященнымъ Митрофаномъ, кроется причина громаднаго переворота къ лучшему, происшедшаго въ нравахъ и семейной жизни воронежцевъ, начиная къ конца XVII столѣтія. Въ святителѣ Митрофанѣ нельзя не видѣть *перваго* учителя воронежцевъ, преподавшаго имъ первые *серъезные* уроки религіозно-нравственной жизни.

При другихъ условіяхъ епископъ Митрофанъ для улучшенія нравственности женщинъ при-Донскаго края, быть можетъ, старался-бы повліять на мѣстное общество, чтобы оно держалось обычаевъ внутреннихъ областей Московскаго государства, гдѣ женщины, по крайней мѣрѣ высшихъ сословій, еще вели замкнутую жизнь, но тутъ онъ столкнулся съ реформами великаго преобразователя Россіи, царя Петра, требовавшими полнаго уничтоженія теремной жизни. Здѣсь-же на Украйнѣ, теремная жизнь едва-ли когда либо и существовала: по крайней мѣрѣ въ историческихъ документахъ мѣстныхъ архивовъ мы напрасно будемъ искать подтвержденія, напротивъ, почти всѣ просмотрѣнные нами историческіе документы удостовѣряютъ отсутствіе на Украйнѣ какихъ либо стѣсненій свободы женщинъ; полное-же освобожденіе женщины, какъ извѣстно, случилось лишь въ 1700 г., когда Петръ I особымъ указомъ повелѣлъ „женскому полу въ честномъ обхожденіи съ людьми имѣть совершенную свободу“ и чтобъ какъ замужнія жены, такъ и дѣвицы ходили, не закрываясь, на свадьбы, пиршества и всякія публичныя увеселенія.

Брачные обряды мѣстнаго населенія того времени мало отличались отъ существовавшихъ во внутреннихъ областяхъ, но, благодаря сосѣдству кочевниковъ, къ нимъ примѣшивалось не мало татарскихъ обычаевъ. Особенно долго и упорно, несмотря на противодѣйствіе со стороны церковныхъ и гражданскихъ законовъ, практиковался здѣсь вредный обычай—раннихъ браковъ, такъ что нерѣдко вѣнчали малолѣтнихъ. Свадебные обряды заключались въ слѣдующемъ. Высмотрѣвъ невѣсту своему сыну, отецъ засылалъ къ ея родителямъ сваху, обыкновенно родственницу мальчика. Отецъ невѣсты самъ или семейнымъ совѣтомъ рѣшалъ участь дочери, причемъ отказъ не считался оскорбленіемъ, по крайней мѣрѣ не сохранилось челобитень на подобнаго рода оскорбленія. Въ случаѣ же согласія, родители устраивали свиданіе съ угощеніемъ; чаще всего приглашалъ къ себѣ отецъ жениха родителей невѣсты. Сговоры длились нѣсколько дней и сопровождались невообразимымъ пьянствомъ, затѣмъ, согласившись въ подробностяхъ, писали *рядную запись*. Въ ней обозначали срокъ, когда ставиться жениху и невѣстѣ къ вѣнцу, перечислялась наличность крѣпостныхъ людей, если такіе имѣлись, скота и количество движимаго и недвижимаго имущества, назначеннаго каждымъ изъ родителей въ приданое своимъ дѣтямъ, при чемъ вещи описывались съ малѣйшими подробностями. Предусматривались также случаи преждевременной смерти одного изъ брачущихся и другія случайности, и все это скрѣплялось руками *третихъ*, обязательно присутствовавшихъ при составленіи рядныхъ записей, и наконецъ въ назначенный срокъ совершалось бракосочетаніе, которое сопровождалось продолжительными пиршествами. Въ ряд-

ной записи всегда отмѣчалась неустойка на тотъ случай, если-бы какая-либо изъ сторонъ совершенно отказалась отъ брачнаго вѣнца или даже *за просрочку*. Тогда обиженная сторона била челомъ въ Судномъ Архіерейскомъ Приказѣ на обидчика и требовала присужденія условленной неустойки за понесенные *харчи и безчестье* [18]).

Что касается воспрещенія Св. Митрофана хоронить умершихъ неестественною смертью, безъ памяти воеводы о принятыхъ имъ мѣрахъ къ убѣжденію причины, то оно было вызвано сильно учащавшимися случаями убійствъ, какъ выше было сказано, нерѣдко даже въ городѣ, на улицѣ, среди бѣла дня. При-Донскому обитателю конца XVII в. ничего не стоило ограбить, убить человѣка, забросивъ трупъ его въ кусты; подобныя злодѣянія совершали очень часто, *корыстуясь*, ради алтына, или *полтретья денегъ*. Трупъ покойника, обглоданный бродячими собаками, привозили къ приходскому священнику и безъ дальнѣйшей огласки предавали землѣ,—преступникъ, такимъ образомъ ускользалъ изъ рукъ правосудія и преступленія, одно ужаснѣе другаго, совершались поэтому безнаказанно. Запрещеніе св. Митрофана хоронить покойниковъ до слѣдствія явилось мѣрою настолько разумною, что процентъ убійствъ значительно понизился въ томъ-же году.

Заботы святителя о введеніи церковнаго пѣнія при богослуженіи, помимо того, что онъ самъ былъ страстный поклонникъ церковной музыки, имѣли въ виду въ особенности новокрещенныхъ калмыковъ и татаръ,

---

[18]) Архив. дѣла Ворон. Стат. Ком.

на которыхъ торжественное пѣніе производило сильное впечатлѣніе [19]).

Мѣры, принятыя святителемъ Митрофаномъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня мѣстнаго духовенства, оказались наиболѣе благотворными и наиболѣе цѣлесообразными по своимъ послѣдствіямъ. Онѣ произвели коренной переворотъ въ дальнѣйшей исторіи описываемой епархіи и положили прочное начало дальнѣйшему преуспѣянію Воронежскаго края на пути умственнаго и нравственнаго развитія. Самъ дитя своего народа, возросшее и жившее среди него, радовавшееся его радостями и печалившееся его печалями, св. Митрофанъ любилъ народъ всѣмъ сердцемъ, вѣрилъ въ его мудрость, сказавшуюся преимущественно въ пословицахъ. Одна изъ этихъ пословицъ гласила „каковъ попъ, таковъ и приходъ", - истина, которую трудно оспаривать даже въ наше время, поражала своею ясностью и логичностью во времена св. Митрофана. Чуткій къ интересамъ своихъ пасомыхъ, святитель принялся всѣми силами за улучшеніе дѣла именно съ этой стороны. Съ этимъ то временемъ и совпадаетъ событіе появленія въ Воронежскомъ краѣ множества духовныхъ лицъ *малороссійской породы,* отличавшихся въ тѣ времена, какъ извѣстно, болѣе высокимъ развитіемъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ начались ссоры между духовными отцами польской Украины *за породу,* причинявшія не мало огорченія святителю Митрофану, понимавшему громадный вредъ, который происходилъ отъ ссоръ духовныхъ лицъ для интересовъ Церкви [20]).

Великимъ представляется намъ святитель Митро-

---

[19]) Азовскія дѣла Арх. Вор. Стат. Ком.
[20]) Архив. дѣла Ворон. Стат. Ком.

фанъ уже въ первомъ своемъ распоряженіи о невѣнчаніи женщинъ по принужденію, распоряженіе, опередившее на много указъ Петра I о томъ же, но еще болѣе поражаетъ насъ, когда узнаемъ, что св. Митрофанъ еще въ XVII в. примѣнялъ въ судебныхъ дѣлахъ взглядъ *о невмѣняемости* подсудимаго при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Вотъ одинъ изъ множества подобныхъ примѣровъ.

18 Октября 1683 г., во вновь учрежденномъ недавно прибывшимъ епископомъ Митрофаномъ Судномъ Архіерейскомъ Приказѣ судились два лица въ прелюбодѣяніи. Нѣкто Родіонъ Низовой былъ уличенъ въ изнасилованіи женки Татьяницы. Руководствуясь прежними обычаями, Казенный Судный Приказъ присудилъ съ нихъ по два рубля по четыре алтына по двѣ деньги архіерейской пени. Татьяница обжаловала рѣшеніе Приказа и святитель Митрофанъ, внимательно просмотрѣвъ дѣло, отмѣнилъ рѣшеніе суда, касательно взиманія архіерейской пени съ челобитчицы, объяснивъ на челобитной: „потому что учинилъ онъ Родька съ нею Татьяницею блудное паденіе *по неволи* удуша за горло“ [21]).

Послѣ двадцатилѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ, святитель Митрофанъ скончался, имѣя 80 лѣтъ отъ роду. Почти 100 лѣтъ спустя, писалъ знаменитый въ исторіи митрополитъ Евгеній о святителѣ Митрофанѣ: „Паства (Воронежская) донынѣ съ умиленіемъ воспоминаетъ простодушіе и добродѣтели сего пастыря“ [22]).

Да и какъ было не вспомнить Великаго Пастыря? Всѣ семь преемниковъ отъ св. Митрофана и до

[21]) Старин. докум. библіот. автора.

[22]) Болховитиновъ. Ист. оч. Ворон. губ., стр. 198.

св. Тихона: архіепископъ Арсеній, митрополитъ Пахомій и епископы: Іосифъ, Левъ, Іоакимъ, Веніаминъ, Ѳеофилактъ, Кириллъ и Іоаникій, правившіе въ послѣдовательномъ порядкѣ Воронежской епархіею, были, за исключеніемъ развѣ одного только епископа Кирилла, „изъ неучившихся въ школахъ“ вѣрнѣе изъ малообразованныхъ и малоразвитыхъ пастырей [23]), каковыхъ въ тѣ времена было не мало на Руси, неумѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ управлять собою, не говоря уже о разумномъ управленіи паствою, однимъ словомъ, неимѣвшихъ ничего общаго, какъ съ своимъ геніальнымъ предшественникомъ, епископомъ Митрофаномъ, такъ равно и съ неменѣе геніальнымъ замѣстителемъ ихъ, епископомъ Тихономъ I—этими двумя свѣтильниками ума и сердца при-Донскаго края! Впослѣдствіи память о св. Тихонѣ сохранилась въ народѣ, какъ и о св. Митрофанѣ. Таково вліяніе соединенныхъ силъ сердца и ума, этихъ великихъ пастырей, горячо, всею душою, любившихъ свою паству. Легко скользятъ столѣтія по народной памяти ничуть не задѣвая собою крѣпко, крѣпко охраняемыя и дорогія ей имена.... Еще въ началѣ текущаго столѣтія, т. е. еще до открытія мощей одного и другаго, народъ разсказывалъ о святителяхъ Митрофанѣ и Тихонѣ съ такою живостью, съ такимъ увлеченіемъ, съ какими говорятъ обыкновенно о современникахъ, несмотря на то, что св. Тихонъ принадлежитъ XVIII, а св. Митрофанъ XVII вѣку, но тотъ-же народъ ничего не знаетъ о самомъ пребываніи перечисленныхъ семи епископовъ на Воронежѣ...

---

[23]) Тамъ-же, стр. 208.

Со вступленіемъ въ управленіе Воронежскою епархіею св. Тихона для религіозно-нравственной жизни края начинается новая эпоха. Шестьдесятъ лѣтъ, истекшія со дня кончины св. Митрофана, какъ мы уже сказали, погибли безслѣдно, не внося ничего существеннаго, скажемъ прямо, ничего полезнаго въ духовную жизнь описываемаго края. Этого мало, они не только смыли и унесли съ собою въ вѣчность все хорошее, все нравственное, человѣчное и христіанское, съ тяжкимъ трудомъ насажденное и въ потѣ лица привитое св. Митрофаномъ, но, обратно, внесли много вреднаго въ общественную жизнь края. Мы далеки отъ мысли обвинять всѣхъ епископовъ, числомъ семь, правившихъ Воронежскою епархіею въ теченіе шестидесяти лѣтъ, въ умышленномъ нерадѣніи или даже нежеланіи трудиться, мы хотѣли только указать на плачевный фактъ—поворота къ худшему, вслѣдствіе-ли отсутствія энергіи у этихъ епископовъ или же, что намъ кажется вѣрнѣе, потому что послѣдніе не знали какъ за дѣло взяться. Управлять такою полуязыческою, полуварварскою страною, какою была въ тѣ времена Воронежская епархія, можно было только, либо обладая вселюбящимъ сердцемъ св. Митрофана, либо располагая глубокимъ умомъ и неотразимымъ краснорѣчіемъ св. Тихона, при той колоссальной энергіи, которою отличались одинъ и другой. Но мы уже знаемъ, что ни тѣмъ, ни другимъ, ни третимъ ни одинъ изъ этихъ семи епископовъ не отличался, вотъ почему почти каждый изъ нихъ вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе епархіею вовлекался въ дѣла, не имѣвшія ничего общаго съ интересами Церкви, сталкивался поэтому съ мѣстными представителями свѣтской власти, которые въ свою очередь

не замедлили интриговать и мстить первымъ, причемъ —повторяемъ, о религiозно-нравственной жизни края некому было думать [24]. И въ самомъ дѣлѣ, со времени кончины св. Митрофана въ при-Донскомъ краѣ постепенно началъ водворятся такой порядокъ вещей, который грозилъ полнымъ упадкомъ народной нравственности, полнымъ возвращенiемъ въ то первобытное полуязыческое, полуварварское состоянiе, изъ котораго съ такимъ трудомъ вывелъ мѣстное населенiе первый епископъ Воронежскiй. Грабежи и убiйства, почти поголовное пьянство и развратъ и прочiя преступленiя снова усилились; высоко поднялъ голову и притихшiй было расколъ. *Охреяне*, богатые раскольники, потряхивая полною мошною *), совращали православныхъ, а разные лжеучители открыто сѣяли плевелы въ народъ [25]. Удивительно-ли послѣ этого будетъ, если скажемъ, что св. Тихону, вслѣдъ за прибытiемъ его въ Воронежъ, пришлось быть свидѣтелемъ грустнаго и ужаснаго для него зрѣлища: въ самомъ Воронежѣ, почти всѣ горожане собирались за Московской заставой для празднества, *въ честь языческаго идола Ярила!* Языческiй праздникъ въ Воронежѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка! Нужны-ли тутъ какiя-либо комментарiи? Вотъ что разсказываетъ самъ св. Тихонъ объ этомъ языческомъ праздникѣ воронежскихъ христiанъ: [26] „изъ всѣхъ обстоятельствъ праздника сего видно, что древнiй нѣкакiй былъ идолъ, прозываемый именемъ *Ярило*, который

---

24) Тамъ-же, стр. 203.

*) Къ нимъ, какъ увидимъ далѣе, принадлежалъ болѣе зажиточный классъ Воронежцевъ.

25) Архивн. дѣла Ворон. Стат. Комит.

26) Соч. преосв. Тихона. 1825 г., т. III, изд. второе, стр. 322.

въ сихъ странахъ за бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія. А иные праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ странъ людей слышу, называютъ *Игрищемъ*. А давно-ль праздникъ сей начался, спрашивалъ у тѣхъ-же стариковъ? Они мнѣ на то объявили, что онъ еще издавна, а потомъ примолвили, что *отъ года въ годъ умножается*, и такъ де люди его ожидаютъ, какъ годоваго торжества и какъ онъ приспѣетъ, убираются празднующіе его *въ самое лучшее платье* и по малу въ немъ начинаютъ бѣситися, куда и малыя дѣти съ великимъ усиліемъ у своихъ отцевъ и матерей испрашиваются. Начинается онъ, какъ тѣ-же мнѣ люди объявляютъ, въ среду или четвертокъ по Сошествіи Св. Духа и умножается чрезъ слѣдующіе дни, а въ понедѣльникъ, первый поста сего день и окончается - только съ великимъ безчиніемъ и умноженіемъ нечестія, какъ я самъ примѣтилъ съ сожалѣніемъ. Но какъ-бы праздникъ ни назывался,.... сей праздникъ бѣсовскій, смердящій, издаетъ запахъ идолопоклонства"!.. Какихъ, спрашивается, нравственныхъ доблестей, какихъ религіозныхъ подвиговъ можно было ожидать отъ подобныхъ христіанъ? христіанъ—по одному только имени, потому что помимо ихъ праздниковъ „съ запахомъ идолопоклонства", по авторитетному свидѣтельству того-же святителя, во очію видѣвшаго какъ „множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей *изъ всего города* на то мѣсто собралося (празднованіе идола Ярила). Между симъ множествомъ народа, разсказываетъ святитель, иныхъ увидѣлъ я почти безчувственно піяныхъ, между иными ссоры, между иными драки; увидѣлъ иныхъ раненыхъ, иныхъ окровав-

ленныхъ, примѣтилъ и плясанія женъ піяныхъ со скверными пѣснями....“ Рядомъ съ этимъ, какъ выше было сказано, не дремалъ и расколъ, на историческую судьбу и развитіе котораго намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ изученію дѣятельности св. Тихона на пользу религіозно-нравственнаго развитія края.

Въ началѣ, говоря объ элементахъ, изъ которыхъ сложилось мѣстное населеніе и сформировалось мѣстное общество, мы упомянули о громадномъ наплывѣ раскольниковъ въ при-Донскія степи, начавшемся въ срединѣ XVII и окончившемся въ срединѣ прошлаго столѣтія, событіе совпавшее съ 1666 годомъ, временемъ явнаго и окончательнаго отпаденія отъ Церкви старообрядства. По поводу этого печальнаго для нашей Церкви событія, царь Алексѣй Михайловичъ выразился на Московскомъ соборѣ 1667 г. вполнѣ справедливо, [27]) что „многіе *скудноумные*, заразившись симъ душеубійственнымъ злоплодіемъ, *какъ-бы внѣ ума были*, заблудились отъ Церкви въ новопрозябшія сонмища, отвергли крещеніе, грѣховъ своихъ іереямъ Божіимъ не исповѣдали, Тайнамъ животворящимъ не причащались, кратко сказать, весьма отъ Церкви и отъ Бога отчуждались“. Этими словами Алексѣй Михайловичъ доказалъ міру, что онъ былъ царь мудрый: онъ понялъ настоящую причину раскола - *скудоуміе* раскольниковъ, т. е. ихъ неразвитость; но мало того, Алексѣй Михайловичъ доказалъ, что онъ не только мудрый царь, но и справедливый судья, готовый обвинить даже самого себя, если справедливость того потребуетъ. Онъ и исполнилъ вторую задачу, обвинивъ

---

[27]) Дополн. къ А. И. Т. V. № 102. Стр. 445.

себя публично на томъ-же Московскомъ соборѣ; этимъ самообвиненіемъ онъ началъ свою рѣчь, сказавъ: „насѣялъ небесный Домовладыка плодовитую ниву нашей православной державы пшеницею чистаго благочестія, но завистливый врагъ, въ то время, *какъ мы, поставленные отъ Бога стражами надъ ней, дремали*, всѣялъ куколь душевредный“ [28]). Но, къ крайнему сожалѣнію, только у одного рыцарски честнаго и душевноблагороднаго царя Алексѣя Михайловича хватило нравственныхъ силъ принять на себя вину въ народномъ заблужденіи, у дѣйствительныхъ же виновниковъ этого печальнаго событія, у высшаго духовенства и государственныхъ дѣятелей того времени не хватило духу сознаться въ своемъ грѣхѣ и они почли для себя болѣе выгоднымъ обвинить въ расколѣ народъ.

Къ сожалѣнію, противъ „скудноумныхъ“, дѣйствовавшихъ въ самомъ началѣ, какъ будто-бы они были „внѣ ума“ не были приняты соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры, т. е. не позаботились поправить дѣло хотя-бы повсемѣстнымъ открытіемъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденіемъ народныхъ бесѣдъ и т. п. мягкими, человѣчными, слѣдовательно разумными мѣрами, а напротивъ прибѣгли къ жесточайшимъ преслѣдованіямъ „скудноумныхъ“, которые вслѣдствіе этого ожесточились и отвѣтили на эти преслѣдованія длиннымъ рядомъ самыхъ дикихъ, звѣрскихъ злодѣяній [29]). Что касается роли при-Донскаго края въ отношеніи раскола, то необходимо замѣтить, что юный, почти не сложившійся еще общественный организмъ степной Украйны къ этому времени не успѣлъ еще

---

[28]) Тамъ же.

[29]) Орлов. акты, изд. де-Пуле и Арх. дѣл. В. Ст. К.

усвоить строгій систематическій государственный порядокъ XVII в. и вообще идея государственнаго порядка далеко не проникла еще въ народное сознаніе пестраго населенія береговъ Дона. Вотъ почему сплошь да рядомъ случалось на Украйнѣ, что даже „лучшіе люди", какъ ихъ называютъ письменные памятники, не задумывались ослушаться царскихъ указовъ „чинились ослушны" и „чинились сильны", когда какое либо распоряженіе не соотвѣтствовало ихъ желаніямъ; сознаніе долга отсутствовало, хотя обитатели береговъ Дона любили, благоговѣли предъ царемъ, не менѣе другихъ русскихъ людей. Поэтому господствовавшій на Украйнѣ духъ противогосударственной вольности и самоуправства долженъ былъ въ особенности благопріятствовать развитію раскола во всѣхъ его вредныхъ проявленіяхъ. Извѣстно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20.000 челов., принимали въ расколѣ самое дѣятельное участіе, играя при этомъ, какъ далѣе увидимъ, довольно двусмысленную роль. Объ нихъ, донскихъ казакахъ, вотъ что говоритъ Кошихинъ: люди они породой москвичи и иныхъ городовъ и новокрещеные татары *), и запорожскіе казаки и поляки и ляхи (?), и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и въ татиныхъ и въ иныхъ дѣлехъ, и покрадчи и пограбя бояръ своихъ, уходятъ на Донъ, и бывъ на Дону, *хотя одну недѣлю или мѣсяцъ*, а лучится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ, *и до нихъ впредь*

---

*) Какъ видно по архив. дѣламъ Ворон. Губ. Стат. Ком., между донскими казаками особенно много было крещеныхъ калмыковъ.

Примѣч. автора.

дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни своровалъ, потому что *Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются*. И дана имъ на Дону жить воля своя [30]). Съ такими вольностями донское казачество становилось государствомъ въ государствѣ; отъ чрезмѣрной свободы у казаковъ кружилась голова и „стало у казаковъ непостоянство большое", окончившееся „шатостью",—бунтами [31]). Всѣ эти темные герои, пріобрѣвшіе себѣ печальную извѣстность въ отечественной исторіи, какъ Разины Стенька съ Фролкою, Булавинъ Кондрашка и много другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ съ ними по Дону, Хопру, Битюгу и Волгѣ, представляли собою буйное, дикое проявленіе всѣхъ старыхъ мятежныхъ, противогосударственныхъ элементовъ, которые къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснялись изъ внутреннихъ областей московскаго государства и скоплялись въ при-Донскомъ краѣ, куда еще едва лишь начало проникать государственное благоустройство. Тутъ были (хотя и въ незначительномъ числѣ) и бѣглые дворяне, оставившіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала Церковь за порочную жизнь, тутъ были и проворовавшіеся приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ и ворамъ, для своей *бездѣльной корысти*, тутъ были и боярскіе люди и холопи, крестьяне, бѣгавшіе отъ своихъ помѣщиковъ и гулящіе люди, слонявшіеся по Украйнѣ *невѣдомо для чего* и наконецъ всякаго рода люди, одержимые противоцерковнымъ и противогосударственнымъ духомъ, бѣгали туда, на Донъ, внося съ собою шатость и смуту въ

[30]) Кошихинъ, IX, 7.
[31]) Мат. по Ист. Вор. и сосѣд. губ. Т. I. стр. 234—270.

неразвитые умы мѣстныхъ и безъ того далеко не безупречныхъ обитателей при-Донскихъ степей. Среди этой многочисленной и разношерстной толпы порочныхъ людей расколъ разгорѣлся съ необычайною силою. Нельзя не согласиться, что всѣ бунты донскаго казачества въ концѣ XVII в. противъ государства были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Нельзя также не замѣтить, что колыбель извѣстнѣйшихъ самозванцевъ и арена ихъ гнусной дѣятельности были — среднее теченіе р.р. Дона и Хопра, т. е. тѣ же раскольничьи гнѣзда.

Между тѣмъ, преслѣдуемые во внутреннихъ областяхъ, раскольники начали спасаться на Донъ. Здѣсь, въ безбрежныхъ степяхъ *польской* Украйны и дебряхъ дремучихъ строили они себѣ *городки*, въ которыхъ жили. Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что среди раскольниковъ встрѣчались и люди несомнѣнно честные, трудолюбивые и трезвые, которые, ведя жизнь нравственную, занимались преимущественно мирными промыслами, спускались на своихъ дощаникахъ по Дону, торговали въ казачьихъ городкахъ и составили впослѣдствіи зажиточный торговый классъ — ядро мѣстнаго купечества. Но рядомъ съ ними прибывали, самовольно, *бѣгая*, и ссылались тысячами разнаго сброду люди, находившіеся въ одинаково враждебныхъ отношеніяхъ, какъ къ церковнымъ, такъ и къ государственнымъ законамъ, какъ тати, воры, разбойники и крамольники, которымъ невыгодно было признать себя преступниками и они поэтому, наравнѣ съ бѣглыми холопьями, предпочитали на Дону рекомендовать себя *охреянами* (раскольниками), будто-бы, преслѣдуемыми за старую вѣру. Гостепріимный Донъ принималъ ихъ

съ распростертыми объятіями и жадно слушалъ бредни этихъ круглыхъ невѣждъ, принимая все на вѣру. Отъ мужчинъ не отставали и *бѣглыя жонки,* которыя какъ и мужчины, не имѣя почти никакого понятія о религіи, плели, что кому въ голову приходило, вслѣдствіе чего полуязыческая и полудикая *польская Украйна* окончательно сбилась съ толку; число сектъ было одно время такъ велико, что самимъ раскольникамъ было не легко разобраться въ нихъ. Самъ народъ говорилъ: „что мужикъ, то вѣра, что баба,—то толкъ"; но всѣ эти секты, взаимно враждебныя, имѣли однако общее въ своей ярой, фанатической ненависти ко всему православному, ко всему родному. Въ силу этой ненависти, охреяне стремились всѣми силами удалиться отъ ученій православной Церкви, вслѣдствіе чего въ результатѣ получились въ самомъ дѣлѣ нравственные уроды, какихъ себѣ и вообразить трудно. Расколъ степной Украйны состоялъ изъ однихъ отрицаній: началъ общественности, принадлежности къ обществу, нравственныхъ началъ семейной жизни, добродѣтелей, Церкви, государства; мало того,—имъ освящались, возводились на степень подвига убійство, самоубійство, грабежъ, блудъ, обманъ и измѣна! Изъ среды раскольниковъ при-Донскаго края впослѣдствіи вышли всѣ самозванцы, измѣнники и разбойники, наиболѣе прославившіеся въ исторіи, какъ Разинъ, Булавинъ, Пугачевъ, Кремневъ и мн. др. Всѣхъ этихъ героевъ темнаго царства родилъ, возрастилъ и поддерживалъ расколъ; имъ же питалось пламя мятежей; достойно вниманія, что всѣ болѣе замѣчательные самозванцы—воры предварительно черпали свои силы въ расколѣ и набравшись этой вред-

ной силы, уже затѣмъ обращали ее противъ представителей свѣтской власти. Такъ въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 1670 г., отысканной нами въ архивѣ Вор. Губ. Стат. Комит., [32]) говорится, между прочимъ: „А нынѣ вѣдомо намъ великому государю учинилось подлинно, прислалъ къ намъ, великому государю, отъ всѣхъ прямыхъ Донскихъ казаковъ атаманъ Михайла Самаренинъ сказать, что воръ Стенька Разинъ, забывъ страхъ Божій, отступилъ отъ святыя соборныя и апостольскія Церкви и про Спасителя нашего Іисуса Христа *говоритъ всякія хульныя слова* и намъ великому государю и всему Московскому государству измѣнилъ и *церквей Божьихъ на Дону ставитъ и никакого пѣнія не велитъ и священниковъ съ Дону сбиваетъ и велитъ вѣнчатца около вербы...*" Такъ поступая, какъ впослѣдствіи и другіе самозванцы, Разинъ зналъ, что онъ этими нехристіанскими путями пріобрѣтаетъ себѣ не мало единомышленниковъ. Дѣло въ томъ, что крайне жестокое преслѣдованіе старообрядцевъ, вызвало народное сочувствіе и состраданіе ко всѣмъ сектамъ раскольничьимъ вообще, какъ бы онѣ вредны и порочны ни были. Такъ еще въ іюнѣ 1689 г. было отправлено 1000 портищъ сукна Амбургскаго донскимъ казакомъ въ награду за то, что они разорили раскольничій городъ на р. Медвѣдицѣ *и перебили всѣхъ жителей* [33]); въ другихъ случаяхъ поступали еще суровѣе. Это была непростительная ошибка, ибо преслѣдуемые духовными и свѣтскими властями *ахреяне* переселились на Кубань и сдѣлались

---

[32]) Мат. по истор. Ворон. и сосѣдн. губ., т. I, стр. 69, № 51.

[33]) Тамъ-же, стр. 147, № 101.

злѣйшими и опаснѣйшими врагами своего отечества: во время набѣговъ, они предоставляли татарамъ грабить *животы* своихъ собратьевъ по крови, сами же занимались разореніемъ церквей и плѣненіемъ жителей, значительно превосходя въ жестокости даже ордынскихъ хищниковъ [34]). Они, подобно ордынцамъ, являлись *тайнымъ обычаемъ, изгономъ*, и яко аспидъ, испущающь свой ядъ, уязвляющій тѣлеса невинныхъ, громили своихъ-же, русскихъ людей, такъ, что послѣднимъ *оттопиться водою* не всегда удавалось [35]).

Другіе-же, пріютившись по болѣе глухимъ городамъ Украйны, тайно и осторожно *чинили святѣй соборной и апостольской Церкви всякую противность*, какъ напримѣръ, въ Орловѣ и въ Орловскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1681 г., *объявились росколщики мужеска и женска полу многіе*, по поводу чего мѣстному воеводѣ предписывалось принять строжайшія мѣры, *неотымаясь ничѣмъ, чтобъ одноличнo тѣхъ воровъ и имъ пристанища въ Орловѣ и въ Орловскомъ уѣздѣ нигдѣ не было* [36]).

Въ такомъ положеніи находился расколъ въ при-Донскомъ краѣ, когда туда прибылъ первый епископъ вновь открытой епархіи, св. Митрофанъ. Какъ истый, глубоковѣрующій христіанинъ, какъ необычайно мягкосердечный человѣкъ, а главное, какъ одинъ изъ самыхъ развитыхъ пастырей православной церкви XVII в., св. Митрофанъ не могъ не возмущаться варварскими мѣрами, употреблявшимися про-

---

[34]) Орловскіе акты, кн. І. М. Де-Пуле.
[35]) Тамъ-же.
[36]) Тамъ-же, стр. 116, XCVI.

тивъ старообрядцевъ, виновныхъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, лишь въ неумышленномъ, вѣрнѣе сказать, несчастномъ заблужденіи, заслуживавшимъ состраданія, а не варварскаго наказанія; святитель не могъ не видѣть куда ведетъ это безцѣльное, опасное по послѣдствіямъ преслѣдованіе тѣхъ *скудноумныхъ*, которые, бывъ *какъ-бы внѣ ума*, тѣмъ не менѣе должны были побросавъ свои жилища, женъ и дѣтей, спасаться въ лѣса дремучіе, аки преступники заклятые, аки звѣри хищные. Св. Митрофанъ предпочелъ путь разума и для этого онъ нарочно ѣздилъ въ Москву, чтобы познакомиться съ московскими методами бесѣдованія съ раскольниками, причемъ неоднократно участвовалъ въ бесѣдахъ и самъ. Вернувшись въ свою епархію, святитель подготовилъ не мало духовныхъ лицъ къ этой дѣятельности и, избѣгая театральнаго характера московскихъ преній, посовѣтовалъ имъ почасту бесѣдовать съ народомъ запросто, кротко, незлобиво, не оскорбляя и вообще вести бесѣды назидательныя, а не обличительныя. О преслѣдованіи раскольниковъ на Украйнѣ при св. Митрофанѣ не было и помину, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда какой нибудь раскольникъ богохульствовалъ публично или позволялъ себѣ говорить *непристойныя слова*, въ подобныхъ случаяхъ преступника отправляли прямо въ Москву. Какъ и слѣдовало ожидать, раскольники относились сначала крайне недовѣрчиво къ св. Митрофану; подозрѣвая въ его ласковомъ, человѣчномъ обращеніи съ ними коварство, осторожно сторонились, опасаясь отъ него *какого нибудь дурна*, но уже нѣсколько первыхъ лѣтъ его прав-

ленія было вполнѣ достаточно, чтобъ убѣдить даже до-смерти запуганныхъ и ожесточенныхъ старообрядцевъ въ полнѣйшей неспособности святителя причинить кому либо вредъ, девизъ котораго до самой кончины былъ: „твори благо, бѣги злаго“ [37]). Обаяніе и вліяніе святителя возросло до крайнихъ предѣловъ, когда воронежцы увидѣли грознаго и великаго Петра, этого колосса душою и тѣломъ, относящимся къ тщедушному, скромному епископу съ такою почтительностью, съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, какого едвали удостоивался отъ этого царя самъ патріархъ всероссійскій...

Но самой благодѣтельной мѣрой принятой святителемъ противъ раскола были, какъ и слѣдовало ожидать, школы, введенныя имъ даже въ пригородныхъ селахъ, подъ руководствомъ духовенства—церковно-приходскія [38]).

Подъ живительными лучами согрѣвающей, теплой бесѣды, подъ благотворнымъ вліяніемъ школы и необычайно кроткаго, отеческаго обращенія святителя Митрофана, число раскольниковъ на Украйнѣ начало замѣтно таять. За помощію и защитою къ нему обращаются впрочемъ уже не одни раскольники, но и *тотаровя* некрещеные. За всѣхъ онъ челобитчикъ, за всѣхъ онъ заступникъ; подъ вліяніемъ этой неземной доброты, размягчается сердце у грубаго кочевника, десятками и сотнями приходятъ они къ нему *креститися*, разсуждая: хорошій долженъ быть Богъ, создавшій такого добраго пастыря...

---

[37]) Завѣщаніе святителя Митрофана.

[38]) Ворон. Юб. Сборн. Т. I, стр. 127. Статья автора.

Передъ своею кончиною, св. Митрофанъ имѣлъ утѣшеніе видѣть блестящіе плоды своей безпримѣрной благотворной дѣятельности: Воронежская епархія насчитывала сравнительно немного раскольниковъ и еще менѣе—нехристіанъ. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ почти законченный трудъ, который нужно было только завершить, но, какъ выше было сказано, въ продолженіи шестидесяти слишкомъ лѣтъ никто объ этомъ и не думалъ, вслѣдствіе чего, какъ мы уже видѣли, прибывшему въ 1763 году св. Тихону пришлось быть свидѣтелемъ зрѣлища, какъ воронежцы чествовали идола Ярила. Теперь вернемся къ дѣятельности св. Тихона.

Въ маѣ 1763 г. въ Воронежъ прибылъ новый епископъ, назначенный на мѣсто не задолго предъ тѣмъ скончавшагося преосвященнаго Іоанникія,—то былъ св. Тихонъ. Сильною волею обладалъ святитель, это былъ желѣзный характеръ, не признающій преградъ, не смущающійся никакими препятствіями, но—при всемъ томъ св. Тихонъ вначалѣ чуть было не сробѣлъ, при видѣ той ужасной неурядицы, того невообразимаго хаоса, какой царствовалъ въ то время въ при-Донскомъ краѣ. Положительно всѣ стороны религіозно-нравственнаго быта такой епархіи, какъ Воронежская, нуждались въ радикальномъ леченіи. А епархія эта вдобавокъ принадлежала въ то время къ числу обширнѣйшихъ по протяженію,—помимо всей Воронежской губерніи, нѣкоторыхъ городовъ Тамбовской, Орловской и Курской губерній, въ составъ ея входила еще и Земля Войска Донскаго, прибавимъ, при самомъ разнородномъ составѣ населенія, при полуграмот-

номъ, плохо дисциплинированномъ духовенствѣ, неговоря уже о самомъ народонаселеніи,—совокупность всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ причинъ настолько затрудняли управленіе Воронежской епархіей, что св. Тихонъ уже въ первыхъ донесеніяхъ своихъ указывалъ св. Синоду на затруднительность своего положенія [39]). Особенно сильно поразили святителя упадокъ религіознаго чувства въ народной массѣ, доходившій почти до полнаго индиферентизма, такъ что даже въ большіе праздники въ храмѣ бывало малолюдно, далѣе, крайняя распущенность и неразвитость мѣстныхъ сельскихъ духовныхъ лицъ, всеобщее невѣжество, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія школъ и наконецъ расколъ, прочно свившій себѣ здѣсь гнѣздо и разроставшійся съ каждымъ годомъ все шире и шире. Распредѣливъ все подлежавшее исправленію на четыре категоріи и намѣтивъ себѣ планъ дѣйствій, св. Тихонъ энергично приступилъ къ дѣлу. Здѣсь нельзя не замѣтить, что при внимательномъ разсмотрѣніи его дѣятельности, мы замѣчаемъ, что св. Тихонъ шелъ по слѣдамъ св. Митрофана, что отчасти объясняется цѣлесообразностью и успѣшностью дѣятельности св. Митрофана, а равно и тѣмъ, что ко времени прибытія св. Тихона воронежцы уже успѣли сдѣлать значительный шагъ назадъ, т. е. почти успѣли вернуться въ то полуязыческое состояніе, въ какомъ ихъ раньше засталъ св. Митрофанъ. Достаточно даже бѣгло ознакомиться съ дѣятельностью св. Тихона, чтобы несомнѣваться въ этомъ.

Вступивъ въ управленіе епархіею, св. Тихонъ пре-

[39]) Тамъ-же, стр. 37.

жде всего озаботился замѣстить духовныя должности лицами, болѣе достойными, дать духовенству нужное образованіе и правильное понятіе объ обязанностяхъ своего званія.

Мы не будемъ здѣсь входить во всѣ подробности чрезвычайно обширной дѣятельности св. Тихона, это завело-бы насъ слишкомъ далеко отъ намѣченной цѣли, а разсмотримъ ее вкратцѣ, насколько она намъ необходима для уясненія успѣховъ ея.

Въ отношеніи мѣстнаго духовенства святитель принялъ мѣры, чтобы оно правильно и своевременно совершало утрени, литургіи и вечерни, чтобы церковно-служители умѣли совершать службы; ставленниковъ не утверждалъ безъ одобрительныхъ свидѣтельствъ причта и прихожанъ и зорко слѣдилъ за ихъ жизнью и дѣятельностью.

Не терпѣлъ святитель кляузъ и ябедъ и строго порицалъ прибѣгавшихъ къ нимъ. Такъ въ февралѣ 1764 г. билъ челомъ святителю архимандритъ Варсонофій, который былъ назначенъ намѣстникомъ Троицкаго Битюцкаго монастыря, прося „того монастыря іеромонахамъ и прочимъ служителямъ повелѣть быть въ полномъ моемъ вѣдомствѣ.....а отдачу того монастыря и принадлежащаго по силѣ указу благоволить мнѣ другому кому отъ Вашего Преосвященства повелѣно будетъ кромѣ іеромонаха Давида, потому что *онъ имѣетъ на меня злобу*, по которой *будетъ чинить мнѣ многіе оскорбленіи* и препятствіи, о которой духовной Вашего Преосвященства консисторіи известно....“ и т. д. Непріятно пораженный этой малограмотной и для духовнаго лица неприличной челобитной, св. Тихонъ положилъ слѣдующую

собственноручную резолюцію: „въ вѣдомствѣ быть іеромонахамъ и прочимъ—не слѣдъ, а монастырь отдать намѣстнику, *понеже правда не боится злобы*. Пищу получать такъ, какъ намѣстникъ получаетъ. Расходовъ никакихъ, кромѣ нужныхъ, не чинить; такъ и суммы немного надобно будетъ. Отъ монастыря, кромѣ пищи, ничего не требовать, понеже и такъ монастырь разоренъ. Что къ сдачѣ касается монастыря, —не препятствовать намѣстнику ни въ чемъ" [40]).

Св. Тихонъ постоянно заботился о благосостояніи и благолѣпіи храмовъ, строго взыскивалъ со священниковъ за несоблюденіе чистоты въ храмахъ и вообще за всякія безпорядки. Подобно своему достойному предшественнику св. Митрофану [41]), при которомъ храмы воздвигались не иначе, какъ по новому, имъ самимъ указанному плану, св. Тихонъ входилъ во всѣ подробности, касавшіяся церкви и строго взыскивалъ даже за недоброкачественность церковнаго вина [42]).

Но особенное вниманіе святитель обратилъ на народную нравственность и религіозное развитіе. Не довѣряя опытности духовенства, святитель самъ составлялъ бесѣды и проповѣди, которыя разсылались священникамъ для чтенія вслухъ прихожанамъ. Завелъ *славянскія школы для дѣтей отъ 8 и до 15 лѣтъ и самъ сочинилъ для этихъ школъ инструкцію*. Въ тоже время была вновь открыта въ Воронежѣ духовная семинарія.

На священниковъ святитель возлагалъ лишь обя-

---

[40]) Изъ старинныхъ документовъ библіотеки автора.

[41]) Матер. по ист. Ворон. и сосѣдн. губ. вып. VII. Стр. 522, CCL, XXVII, изд. авт.

[42]) Архив. дѣла Вор. Стат. Комит.

занность самоисправленія. самоусовершенствованія, отнюдь не довѣряя имъ народной массы, на которую онъ старался дѣйствовать лично, неутомимо поучая ее словомъ и дѣломъ. Трудно вообразить себѣ, что сдѣлано святитилемъ Тихономъ въ этомъ отношеніи, достаточно вспомнить одни только многотрудныя и многотомныя сочиненія его, дышащія такимъ краснорѣчіемъ, такою убѣдительностію, правдивостью и глубокомысліемъ. Какою безпредѣльною любовію, какою скорбью пропитана каждая строка его „увѣщанія жителямъ града Воронежа, объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называющагося Ярило", какое неподдѣльное, глубокое чувство, какая мольба слышалась въ его голосѣ, когда онъ 5-го іюня 1765 г. обратился къ полуязычникамъ Воронежцамъ и ихъ нерадивымъ пастырямъ, сказавъ: „въ сей горести и болѣзни сердца моего, обращаю слово мое ко всѣмъ живущимъ въ градѣ семъ, *и съ плачемъ молю:* истребите зло сіе отъ среды васъ, священницы! Пастыріе словесныхъ овецъ Христовыхъ! Стражіе Дома Господня! Ангелы, возвѣщающіе волю Отца Небеснаго! по своей должности настойте, умолите, запретите; пощадите души, порученныя вамъ отъ Пастыреначальника Іисуса Христа, Кровію Его искупленныя, за которыя вы въ день судный страшному Судіи имѣете отдать отвѣтъ...." [43]).

Въ простыхъ, но мудрыхъ и краснорѣчивыхъ поученіяхъ своихъ святитель постепенно знакомилъ народъ съ земною жизнію, страданіями и смертью Господа Іисуса Христа, разъяснялъ заповѣди и обличалъ пороки, коихъ было такъ много въ его паствѣ...

[43]) Сочин. преосв. Тихона. Т. II, стр. 330.

Намъ остается познакомиться еще съ вѣнцомъ дѣлъ святителя Тихона, покрывшихъ его память неувядаемою славою, не только какъ духовнаго пастыря, но и какъ государственнаго дѣятеля. Мы подразумѣваемъ любопытнѣйшую исторію борьбы святителя съ мѣстнымъ расколомъ.

Богатые раскольники, повторяемъ, могли весьма многихъ обращать и преклонять къ принятію своего ученія однимъ своимъ богатствомъ. Бѣдные люди, не имѣвшія чѣмъ кормить и одѣвать свое семейство, частенько по неволѣ соглашались на убѣжденія богатаго расколоучителя, чтобы сходно, а можетъ быть и даромъ, получить отъ него удовлетвореніе своихъ необходимыхъ, насущныхъ домашнихъ потребностей. Равнымъ образомъ и люди богатые, знатные и благородные иногда потому соглашались въ образѣ мыслей съ богатыми старообрядцами, чтобы прочнѣе были ихъ взаимныя связи, представлявшія много матеріальныхъ выгодъ. Въ силу этихъ соображеній, въ началѣ и даже срединѣ прошлаго вѣка на государственной службѣ находилось немало лицъ, тайно покровительствовавшихъ расколу; но, безспорно, что преимущественно расколоучители обольщали простаковъ и невѣждъ своимъ трескучимъ, высокопарнымъ слогомъ, своимъ учительскимъ высокомудрствованіемъ и наконецъ своею грамотностію и начитанностью въ старинныхъ церковныхъ книгахъ. Расколоучитель, само собою разумѣется, толковалъ вкривь и вкось, но при тогдашнемъ отсутствіи школъ, закрывшихся вскорѣ послѣ кончины св. Митрофана, при всеобщемъ, почти поголовномъ невѣжествѣ,—кто могъ ихъ провѣрить? Удивительно-ли,

что эти книжники слыли въ народѣ высокими мудрецами, изумлявшими и ослѣплявшими простой народъ своею глубокою мудростью, которой безмолвно, затаивъ дыханіе, благоговѣйно внимали. Наконецъ, не мало было случаевъ вовлеченія въ расколъ лицъ знатныхъ по происхожденію и съ независимымъ матеріальнымъ положеніемъ, слѣдовательно—по убѣжденію [44]. При совращеніи лицъ послѣдней категоріи раскольники обнаруживали большое искусство принаравлиться къ идивидуальнымъ особенностямъ извѣстной личности; въ дѣло пускались хитрость, ловкость, а гдѣ надобилось—театральный эфектъ. Религізоныя гоненія, усилившіяся противъ раскольниковъ, уже существеннаго вреда имъ принести не могли, прибавились только нѣкоторыя денежныя затраты на подкупы лицъ властьимущихъ. Но для соединенныхъ въ экономическую общину и богатыхъ въ отдѣльности раскольниковъ эти затраты были мало чувствительны.

Узаконенія императрицы Екатерины, значительно облегчившія положеніе раскольниковъ, принесли лишь ту пользу, что у послѣднихъ прекратилась фанатическая ненависть къ своей родинѣ, исчезла политическая окраска въ ихъ дѣяніяхъ и многіе раскольники—эмигранты начали возвращаться изъ-за границы, но въ тоже время замѣтно усилились у ободреннаго раскола страсть къ совращенію православныхъ. Двойной налогъ подушныхъ не запугивалъ ни раскольниковъ, ни православныхъ собиравшихся переходить въ расколъ. Дѣло въ томъ, что под-

---

[44]) Арх. дѣл. Ворон. Губ. Стат. Ком. фол. № 124.

купное чиновничество скрывало истинное число раскольниковъ, такъ что въ царствованіе императрицы Екатерины на такой, напримѣръ, обширный округъ, какъ Бобровскій по ревизіи оказались всего лишь 3 мужчины и 3 женщины, вмѣсто 5 - 6 тысячъ дѣйствительно жившихъ тамъ! Прекрасно знало объ этомъ укрывательствѣ мѣстное духовенство, но молчало, изъ опасенія справедливаго упрека со стороны правительства за допущеніе развитія раскола до такихъ обширныхъ размѣровъ.

Наиболѣе распространенныя секты въ Воронежской епархіи къ концу прошлаго вѣка были безпоповщинскія признающая и непризнающая брака, затѣмъ скопцы, шелопуты, іудействующія и духоборцы; послѣдніе въ царствованіе императрицы Екатерины почти всѣ переселились въ Крымъ [45]). Населеніе Воронежской епархіи почти на половину состояло изъ раскольниковъ, причемъ послѣдніе были несомнѣнно развитѣе и въ матеріальномъ отношеніи значительно обезпеченнѣе православныхъ. Какъ мы уже видѣли, св. Тихонъ принялся энергично за дѣло. Зорко слѣдя за расколомъ и строго преслѣдуя пропагандическую дѣятельность раскольниковъ, онъ въ тоже время неутомимо работалъ надъ улучшеніемъ школьнаго дѣла и умственнаго развитія православныхъ, но полною побѣдою православія надъ расколомъ въ при-Донскомъ краѣ Церковь положительно обязана была громаднымъ способностямъ и блестящему, неотразимому краснорѣчію святителя, — не даромъ при-Донской расколъ стремился привлечь на свою сто-

[45]) Рескр. на имя намѣстн. Черткова.

рону Великаго пастыря цѣною чего-бы то ни было....

Съ самаго начала XVIII столѣтія раскольничьи согласія получаютъ въ при-Донскомъ краѣ территоріальную сосредоточенность, осѣдлость. Частью бродячій, частью осѣдлый въ началѣ, расколъ постепенно впослѣдствіи терялъ характеръ торговаго, слѣдовательно мирнаго элемента и изъ отвлеченно-религіознаго направленія его начало выработываться чисто-политическое направленіе, облеченное только въ формѣ религіозно-символической. Съ этого момента расколъ становится особенно несимпатичнымъ и положительно теряетъ всякое право на снисхожденіе историка. Принявъ политическое направленіе и скинувъ съ себя личину, при-Донской расколъ предсталъ предъ современниками во всей своей безобразной наготѣ. Это не тѣ несчастные, вполнѣ искренне заблудившіеся *скудоумные* старообрядцы, которые, по выраженію царя Алексѣя Михайловича, были *какъ-бы внѣ ума*, нѣтъ,—это уже не тѣ люди, которые готовы были голову сложить изъ за спора о *сугубой аллилуіа* и о *хожденіи посолонь*, далеко нѣтъ,—это просто нравственные уроды, отрекшіеся и отъ церкви, и отъ государства и отъ общества. Стенька Разинъ, напримѣръ, отрекается не только отъ православной церкви, но даже и отъ старообрядчества—„велить вѣнчаться вокругъ вербы...“, вѣшаетъ, рѣжетъ, душитъ всякаго, выходящаго изъ Руси [46]), не справляясь вовсе о религіозныхъ убѣжденіяхъ; съ православными христіанами въ Кагальникѣ онъ *чинитъ горь-*

---

[46]) Мат. по и ист. Ворон. и сос. губ , т. I, стр. 244, № 11.

ше, чего и басурманы не чинятъ: христіанъ въ печи жегъ, вмѣсто дровъ.... [47]). Появленіе св. Митрофана смиряетъ на время пламя раскола, грозившее охватить всю Украйну: расколъ отодвигается отъ центра епархіальнаго управленія въ глубь и глушь донскихъ лѣсовъ и—какъ-бы утихаетъ на время. Но вотъ, въ 1701 году, не стало геніальнаго борца за православіе, и послѣдователи Стеньки Разина, снова подняли головы. Донской казачій атаманъ Некрасовъ съ товарищами и соумышленниками Гавриломъ Чернецкимъ, Иваномъ Дранымъ, Казьмою и Савельемъ Вориновыми, набравъ на Дону шайку изъ разнаго отрепья общества, разграбили селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, а затѣмъ ушли на Кубань, гдѣ въ 1708 году отдались въ подданство Крымскаго хана. Не много спустя, почти всѣ Украинскіе города были наводнены шпіонами, которые будучи пойманы, разсказывали подъ пыткой, что они подосланы были частью Некрасовымъ и Дранымъ, частью-же Бахмутскимъ сотникомъ Кондрашкой Булавинымъ, а нѣкоторые изъ нихъ показали, что они подосланы изъ Запорожья; всѣ-же они говорили одно, что имъ поручено доставить свѣдѣнія о числѣ жителей, войскъ, пушекъ, о количествѣ пороху, провіанта, о состояніи крѣпостей, дорогъ и прочее и что имъ заказано, въ случаѣ поимки, лишить себя живота, но не выдавать тайны имъ довѣренной, подъ страхомъ неминуемаго мщенія смертью, гдѣ-бы они ни были [48]). Пораженіе Булавина было вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ воинствующаго ра-

---

[47]) Тамъ-же, стр. 259, № 32.

[48]) Архивн. дѣла Ворон. Губ. Стат. Ком.

скола. Въ предѣлахъ Воронежской епархіи мы съ тѣхъ поръ встрѣчаемъ лишь ту незначительную часть раскольниковъ, которая продолжала мирными путями развиваться, она какъ ранѣе было упомянуто, составила впослѣдствіи ядро болѣе зажиточнаго класса мѣстнаго общества—торговыхъ людей. Строго воздержная жизнь, трудолюбіе, а главное сплоченность и заботливость ихъ другъ о другѣ, выработившіяся подъ вліяніемъ претерпѣнныхъ гоненій, были отличительною чертою этой мирной и осѣдлой части старооб рядчества, а общность религіозныхъ убѣжденій, общность интересовъ и страданій скрѣпили братскія узы его въ *согласія*. При такихъ условіяхъ какъ самъ расколъ, такъ и благосостояніе его послѣдователей не могли не развиться, разбогатѣвъ-же раскольники стали силой, съ которой трудно было бороться мѣстному православному духовенству, которое тогда, какъ къ сожалѣнію и понынѣ еще, не имѣло обезпеченнаго куска хлѣба, въ видѣ жалованья, а принуждено было кормиться случайными доходами — „чѣмъ Богъ пошлетъ“ и поэтому болѣе заботилось о обезпеченіи семьи „отъ голодной и студеной смерти“ нежели о своихъ обязанностяхъ. Не то было у богатыхъ расколоучителей и старообрядцевъ, которые завлекали православныхъ въ свои общины уже однимъ сытымъ житьемъ. Въ то время какъ изъ незавиднаго, полунищенскаго положенія мѣстнаго православнаго духовенства, гонимые нуждою, спасалось все мыслящее, —лучшія духовныя силы Украйны, золото щедрою рукою расточаемое раскольниками, привлекало къ нимъ людей развитыхъ и дѣльныхъ, нерѣдко тѣхъ же несчастныхъ православныхъ священниковъ, обре-

мененныхъ многочисленною семьею, передававшихся имъ *нестерпя мученій*... Дерзость Украинскихъ раскольниковъ, какъ намъ уже извѣстно, простерлось до того, что они самому св. Тихону предложили *поступить къ нимъ въ архіереи!*

Для предохраненія паствы своей отъ раскола, святитель требовалъ, чтобы священники заставляли всѣхъ прихожанъ ежегодно исповѣдываться и причащаться; въ случаѣ же отказа, доносить ему, подъ страхомъ строгаго за утайку наказанія. По случаю обнаруженія раскола въ войскѣ донскомъ, учреждена была особая коммиссія, при которой велѣно было состоять находившемуся въ Воронежскомъ Кременскомъ монастырѣ вдовому дьякону Василью Михайлову, какъ весьма способному въ разсужденіи и доказательствахъ отъ священнаго писанія къ отвращенію раскольничьяго суевѣрія." „Если же кто обратится по его увѣщанію, велѣно было каждый разъ доносить святителю, а совратившихся въ расколъ и потомъ опять возвратившихся въ православіе, онъ велѣлъ, исключая смертнаго случая, не допускать съ женою и дѣтьми до святаго причастія и чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ доносить о ихъ жизни [49]).

Въ борьбѣ съ расколомъ, святитель особенно строго относился къ іудействующимъ, считая ихъ послѣ скопцовъ наиболѣе опасными изъ всѣхъ сектъ. Причина тому заключалась, по всей вѣроятности, не въ привлекательности или заманчивости ученій этой сек-

---

[49]) Юбил. Сборн., томъ I, стр. 56.

ты, а скорѣе въ ея необычайно ловкихъ и хитрыхъ представителяхъ, какими были во времена св. Тихона однодворцы Самсонъ Прохоровъ, Михайло и Иванъ Сопѣлкины, у которыхъ религіозный фанатизмъ граничилъ съ умопомѣшательствомъ. Какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, св. Тихонъ въ предѣлахъ своей епархіи никому не довѣрялъ собесѣдованія съ раскольниками, вторично отпавшихъ отъ православія, а отправлялся самъ въ зараженную расколомъ мѣстность *и обливаясь горячими слезами,* умолялъ отступниковъ вернуться въ лоно Церкви. Наэлектризованные краснорѣчивою проповѣдью, сказанною имъ святителемъ растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ, раскаявшіеся раскольники падали на колѣна и клялись ему *воздержаться отъ зломудрованія* [50]).

Этимъ путемъ святитель Тихонъ заставилъ вернуться въ православіе не одну тысячу раскольниковъ. Вліяніе его на раскольниковъ было такъ велико, что даже наиболѣе упорствовавшіе и не возвратившіеся въ лоно православія несомнѣнно боготворили его; какъ на замѣчательное явленіе и вѣское тому доказательство, весьма основательно, указываютъ на то, что на много верстъ вокругъ Задонскаго монастыря, гдѣ покоятся мощи св. Тихона — и понынѣ *нѣтъ ниодного раскольника,* такъ велико было его вліяніе. Со времени св. Тихона и христіанская Украйна окончательно отказалась отъ своихъ идоловъ въ родѣ Ярыла и отъ множества пороковъ, нынѣ, къ чести ея, уже не существующихъ.

---

[50]) Архивн. дѣла Ворон. Губ. Стат. Ком.

Изъ всего сказаннаго выясняется, что начало христіанства въ смыслѣ религіозно-нравственнаго развитія при-Донскаго края положено св. Митрофаномъ и завершено оно сто лѣтъ спустя св. Тихономъ.

